ЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ

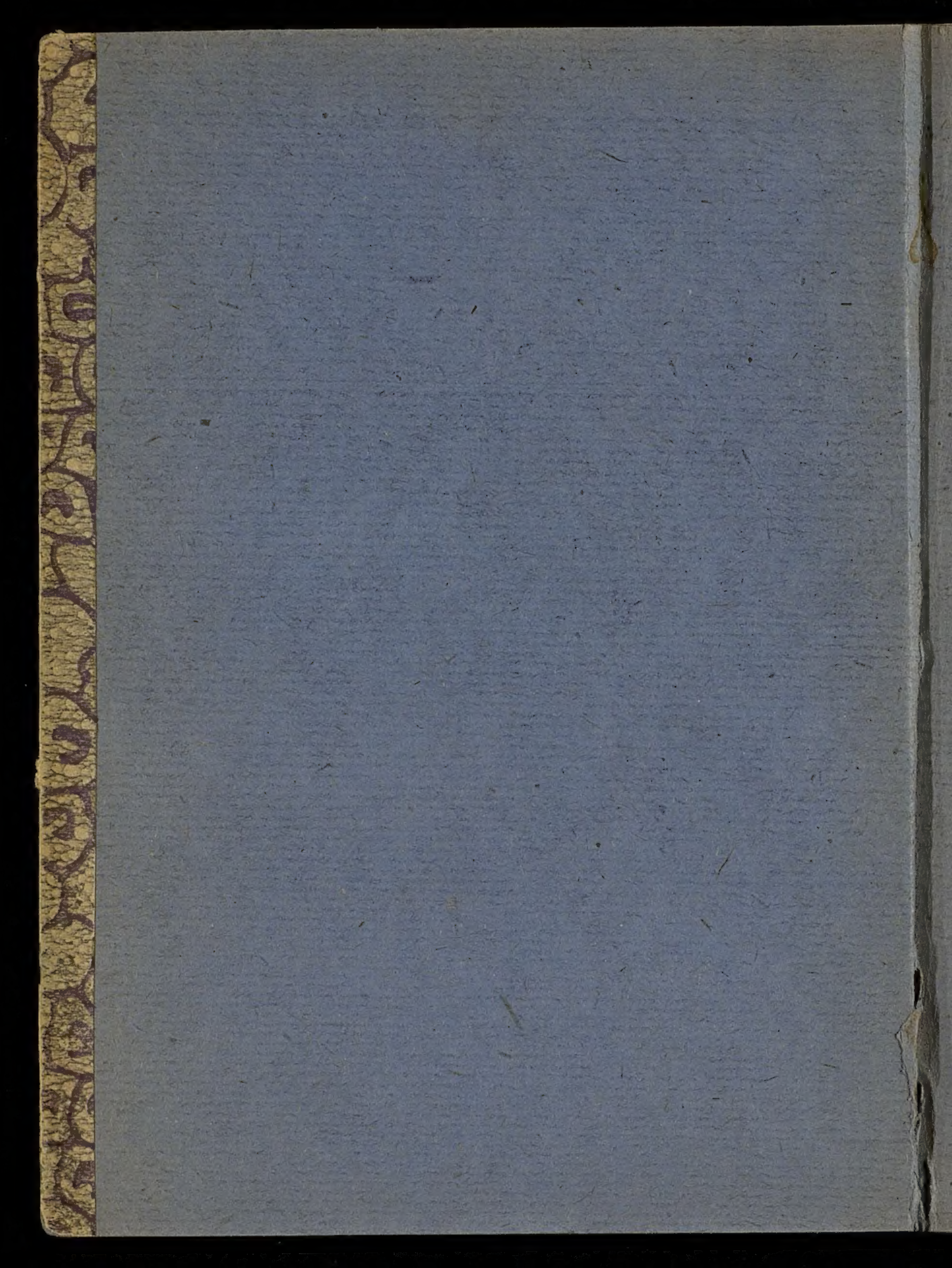
ИСТОРІЯ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА РОССІИ

НИКОЛАЯ II-го.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДРУГЪ НАРОДА“
Харьковъ, Васильевскій пер. № 4.

ХАРЬКОВЪ.
1917



ПОСЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ

ИСТОРІЯ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА РОССІИ

НИКОЛАЯ II-ГО.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДРУГЪ НАРОДА"
Харьковъ, Васильевскій пер. № 4.

ХАРЬКОВЪ.
1917

Отъ издательства.

Предлагаемая вниманію читателей книга: „Послѣдній Само-державецъ“ была издана въ до революціонное время за границей, за 4—5 лѣтъ до настоящаго отвѣтственнаго момента.

Авторъ ставилъ своей задачей дать полную картину общественной жизни Россіи и предугадать ея историческое развитіе.

Указывая въ этомъ трудѣ на близорукую политику пра-вительства, а также и на дѣятельное и вредное участіе въ ней Двора и главнагоего представителя Николая II-го, авторъ обнаружилъ не только глубокій запасъ историческихъ знаній, но также и большое знакомство съ жизнью придворныхъ сферъ.

Не на шутку испуганное правительство, заинтересован-ное въ томъ, чтобы народныя массы не знали истины, поста-вило своей задачей изъять „Послѣцняго Самодержца“ изъ обращенія, не останавливаясь передъ бѣшеными затратами и уплачивало колоссальныя ценьги за каждый попадавшій къ нимъ въ руки экземпляръ.

Сдѣлать это было тѣмъ болѣе не трудно, ибо книга была издана въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, что-то около 500.

Читатель увидитъ, что еще до Великой Русской Рево-люціи авторъ зналъ грядущую судьбу самодержавія, давъ подходящее названіе книгѣ: „Послѣдній Самодержецъ“.

Печатая эту книгу безъ всякихъ измѣненій текста, книгоиздательство ставить своей задачей ознакомить широкій кругъ читателей съ этимъ полнымъ большой исторической цѣнности трудомъ, написаннымъ къ тому же живымъ, захва-тывающимъ, поэтическимъ языкомъ.

Книгоиздательство „Другъ Народа“.

Пойми-же, наконецъ, что въ тѣбѣ есть Божественное, стоящее выше малодушія, страстей и суеты, отъ которыхъ тебя передергиваетъ, какъ балаганную куклу.

Маркъ Аврелій.

Такъ какъ народъ не знаетъ той истины, съ помощью которой онъ могъ бы освободится, то выгодно, что бы онъ былъ во мракѣ.

Варонъ.

Двадцатый вѣкъ принесъ съ собою крушеніе послѣднихъ оплотовъ деспотизма, прикрывающагося легендой Божественнаго происхожденія властей; одна за другой измѣнили свой государственный строй три имперіи востока: Россія, Персія и Турція. Медлительный Китай, упреждая волненія, обычно сопровождающіе этотъ неизбѣжный историческій процессъ, возвѣстилъ введеніе конституціи на 1914-й годъ.

Такимъ образомъ, если не считать немногихъ маленькихъ государствъ Азіи и Африки, ничтожныхъ, некультурныхъ и являющихся, въ сущности, игральными картами въ рукахъ Великихъ державъ, абсолютизмъ исчезаетъ съ лица земного шара, уступая мѣсто самодѣятельности освобожденныхъ народовъ. Но уже извѣстные историческіе прецеденты указываютъ на чрезвычайную сложность этого процесса. Даже въ условіяхъ XVIII и XIX столѣтій, протекая, притомъ, въ болѣе однородныхъ, чѣмъ у насъ, средахъ, революціи все же сопровождались кровавыми эксцессами и періодами реставраціи стараго режима. Можно сказать, что и теперь еще не завершенъ большинствомъ государствъ Европейскаго континента тяжкій переходъ отъ рабства къ свободѣ, и что міръ несомнѣнно будетъ свидѣтелемъ грандіозныхъ политическихъ и соціальныхъ катаклизмовъ, предвѣстникомъ коихъ можно по справедливости назвать великую русскую революцію.

Расположенная между культурнымъ западомъ и азіатскимъ Востокомъ, имперія русскихъ самодержцевъ складывала свою исторію не по установившемуся для Европы шаблону. Роль буфера, отдѣлявшаго двѣ различныхъ по духу цивилизаціи, неминуемо обрекала Россію на рядъ колебаній, ставшихъ съ теченіемъ времени отличительной чертой и политики ея правительства.

Въ то же время, необходимость укрѣпленія славянской стѣны на границѣ желтаго міра диктовала Европѣ, занятой своими дѣлами, пассивную роль во все время мобилизаціи земель и національностей по обѣ стороны Уральскаго хребта, и это обстоятельство сказалось самымъ печальнымъ образомъ на дальнѣйшихъ судьбахъ русскаго народа и его царей. Огромные размѣры и разнородный племенный составъ государства создавали соотвѣтствующую величину и нестройность его власти, не давали отстояться океану людей, лишенныхъ внутренней связи и взаимности интересовъ, поощряли безконтрольность и произволъ боярщины, незамѣтно выродившейся въ чиновничество. Въ короткое время язва эта безъ остатка покрыла поверхность государственнаго организма, парализовала его ростъ, остановила движеніе, разъѣла нервную систему, разложила мозгъ.

Цари, нѣкогда вершившіе судьбы своего народа личной политикой, теряли мало по малу, всякое вліяніе на ходъ управленія, и наше поколѣніе застало эпоху полнѣйшаго порабощенія ихъ всемогущимъ бюрократизмомъ.

Не нужно было ни проницательности, ни знаній, чтобы сознавать ненормальность такого положенія вещей и предсказать его естественный конецъ—революцію. Ибо параллельно съ ростомъ показного величія абсолютизма росло и его внутреннее разложеніе, причемъ любой внѣшній толчокъ могъ разрушить импонировавшую простымъ душамъ оболочку, обнаруживъ разъ навсегда гнилую сердцевину этого перваго устоя неог-

раниченной власти. Несомнѣнно также, что приближеніе катастрофы ощущалось наверху правленія еще отчетливѣе, нежели въ глубинахъ жизни, и придавало умирающему чудовищу полицейскаго строя то мужество отчаянія, которое толкаетъ на самыя рѣшительныя, самыя неожиданныя дѣйствія. Чувствуя, что подъ страхомъ смерти нельзя выпускать изъ рукъ традиціоннаго щита—самодержавія, чиновничество роковымъ образомъ должно было отдавать главное время подновленію и позолотѣ ветшавшихъ традицій, возвышенію личности монарха. Не считаясь, однако, съ этой безполезной работой, жизнь народа прокладывала свое русло далеко въ сторонѣ отъ всякихъ фантомовъ, стремясь къ вліянію съ общеміровымъ потокомъ, незамѣтно для самой себя стачивая скалу, на которой продолжали покоиться, съ дѣланной самоувѣренностью, правительство, царь и неотстававшіе отъ нихъ многочисленные, развращенные подачками и привиллегіями классы повсемѣстнаго дворянства и высшаго духовенства. Постепенно, впрочемъ, рѣдѣли ряды союзниковъ, пока не остался вверху снова почти одинокій царь. Для своего спасенія борюкратизмъ пожертвовалъ бы охотно и имъ, но издавна отождествивъ себя съ автократизмомъ, сдѣлать этого послѣдняго предательства уже не можетъ. Въ свою очередь и Николай II не остановился бы, вѣроятно, передъ отреченіемъ отъ чиновничества, если бы могъ надѣяться такимъ шагомъ обезпечить хоть сколько нибудь продолжительное существованіе своей династіи. Но невольные близнецы продолжаютъ оставаться накрѣпко связанными; и передъ нами развертывается, наряду съ открытой войной народа съ поработителями, еще и скрытая борьба между двумя половинами одного и того же тѣла, въ которой ихъ ждетъ одинъ, смертельный результатъ. При этомъ положеніе царя значительно хуже положенія чиновничества, которое при всякихъ условіяхъ новаго строя окажется нѣкоторое время необходимымъ и сумѣетъ приспособиться къ измѣнившимся требованіямъ времени. Царь же, независи-

мо отъ достоинствъ своихъ или недостатковъ, отъ ума или ограниченности, какъ былъ, такъ и останется центральной фигурой борьбы, ведущейся съ обѣихъ сторонъ съ нескрываемымъ ожесточеніемъ. Здѣсь все опасно; и даже самой жизни монарха столько же грозитъ терроръ, сколько и постоянная возможность дворцоваго переворота. Отсюда и происходитъ затаенная ненависть его къ ближайшимъ совѣтникамъ и роднымъ, умственное и душевное одиночество,—все плохіе для правителя спутники. Хочется бороться. Личная политика снова выступаетъ на сцену, но уже подпольными ходами, преломляясь въ средѣ разныхъ темныхъ дѣльцовъ, низовъ, камарильи, маговъ, юродивыхъ. Общая конъюнктура усложняется помимо воли дѣйствующихъ лицъ.

Тѣмъ не менѣе, отданіе себѣ яснаго отчета въ происходящемъ продолжаетъ оставаться первою обязанностью всякаго участника затянувшейся и распространившейся на огромномъ пространствѣ борьбы. Въ такихъ случаяхъ оріентируются прежде всего по ставкѣ главнокомандующаго, по его фигурѣ, окруженной штабомъ. И такъ какъ не прошло еще время для изложенія новѣйшей исторіи русскаго народа, ни для исторіи послѣднихъ лѣтъ жизни бюрократизма россійскаго, то мы послѣдуемъ тому же правилу и попытаемся дать очеркъ только царствованія и жизни Николая II, послѣдняго самодержца и, послѣдняго императора, называющагося Романовымъ.

Необходимое безпристрастіе диктуется намъ не только обязанностью историка, но и сознаніемъ трагизма положенія, являющагося логическимъ результатомъ дѣйствія разнородныхъ силъ, слагавшихъ типъ византійца и окружающую его среду. Въ затхлой атмосферѣ русскихъ дворцовъ легко отстаивались лишь низменные черты темпераментовъ. Показной блескъ способствовалъ образованію внутренней пустоты, обязанности правительства заслоняли назначеніе быть только первымъ слугой своего народа. Цѣлый рядъ нераз-

лучныхъ спутниковъ жизни этого народа, нужда, безправіе, болѣзни, оставался для его правителей знакомымъ не болѣе линій спектра какой-нибудь отдаленной звѣзды, гдѣ названіе невидимыхъ газовъ ничего не говорятъ уму. Рядъ поколѣній воспитывалъ въ себѣ духовную слѣпоту и нѣтъ мудренаго въ томъ, что, когда суровая дѣйствительность приподняла 9 января 1905 г. предъ Николаемъ завѣсу, онъ не увидѣлъ за ней болѣе того, что подсказали ему окружавшіе его насильники и организаторы кровавой бани, передъ которой Варфоломеевская ночь и Сицилійскія вечерни были лишь дѣтскими забавами. Это они, избранники бюрократизма, играли на струнахъ души дегенерата, поощряя лишь темные инстинкты и ограничивая добрые стѣнами дѣтской, гдѣ повелитель стомилліоннаго народа скрывался отъ пораженій наносимыхъ врагами, и праздновалъ побѣды надъ собственными подданными. Здѣсь останавливались еще потоки русской крови, переставали мерещиться страшныя гримасы повѣшенныхъ. Но тѣмъ сильнѣе не хотѣлось выходить изъ комнаты, гдѣ весело звучали дѣтскіе голоса, туда, въ рабочій кабинетъ, къ ожидавшимъ министрамъ, сыщикамъ, казнокрадамъ. Съ ними вторгалась наружу сама жизнь, врывались струи воздуха, насыщеннаго отчаяніемъ и неправдой, наивной искренностью и застарѣлымъ приказнымъ лукавствомъ. Тутъ давались кому придется и какія угодно полномочія, лишь бы отдѣлаться какъ-нибудь отъ докуки управленія.

Поэтому-то оставляли понемногу непріютныя царскія палаты всѣ сколько нибудь чистые люди, и власть сосредоточивалась въ преступныхъ или запачканныхъ рукахъ.

Къ этой драмѣ широкой волной приливала ѣдкая пошлость. Спириты и предсказатели, просто порочные люди и люди съ извращенными наклонностями, алкоголики и неисправимые лгуны, всѣ вносили въ эту странную для свѣжаго человѣка атмосфера свою долю вульгарнаго, смѣшного .Но теперь уже не тѣ времена,

когда стѣны дворцовъ оставались непроницаемыми для непосвященныхъ. Несмотря на всѣ предосторожности, свѣдѣнія о жизни царей распространяются безъ замедленія и тѣмъ легче, что сами участники перестають скрывать ея интимнѣйшія стороны. Вслѣдствіе этого читатель не встрѣтитъ ничего сенсаціоннаго, неизвѣстнаго, но лишь правду не искаженную ни лицемѣріемъ придворнаго исторіографа, ни страхомъ русскаго публициста передъ цензурой. Въ нашемъ распоряженіи находилось, къ тому же, слишкомъ достаточное количество провѣренныхъ данныхъ, чтобы мы могли быть увлечены на путь памфлетистовъ, вынужденныхъ довольствоваться розсказнями досужныхъ придворныхъ сплетниковъ.

Мы предвидимъ, что многіе изъ называемыхъ здѣсь и еще живущихъ лицъ будутъ недовольны упоминаніемъ о нихъ, но не считаемъ возможнымъ щадить ни самолюбія, ни скромности кого бы то ни было въ трудѣ, предназначенномъ не только для удовлетворенія понятнаго любопытства современниковъ, но и для ихъ освѣдомленія.

Съ этой именно скромной цѣлью, одушевляемые прежде всего любовью къ родинѣ и далекіе отъ какихъ-либо партійныхъ соображеній и оковъ, приступаемъ мы къ очерку жизни и правленія послѣдняго всероссійскаго самодержца, Николая Александровича Романова.

ПОСЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ.

Очеркъ жизни и царствованія императора Россіи Николая II-го.

Глава I.

Бракъ Александра Александровича.—Принцесса Дагмара и Николай Александровичъ.—Отношеніе Александра II ко второму сыну.—Занятіе искусствами.—Уединенная жизнь.—Дѣти.—Война 1877—78 г.г.—Рущукскій отрядъ.—Запой.—Ванновскій.—Боткинъ. Отвращеніе къ военному дѣлу.—1-го марта 1881 г.—Крушеніе „конституціи".—Побѣдоносцевъ.—Графъ Д. Толстой.— Уходъ Лорисъ-Меликова, Милютина и др.—Письма къ Александру Льва Толстого, Цебриковой и др.—Казни.—Перовская.—Начало реакціи.—Вліяніе общей обстановки на дѣтство Николая.

Въ понятномъ стремленіи закрѣплять свои династіи, современные монархи всегда торопятся женить сыновей. Рано сосватали и Николая, перваго сына Александра II-го.

Все улыбалось незначительной и бѣдной Дагмарѣ, взятой изъ семьи Датскаго Короля. И грядущее могущество и обаятельная внѣшность, также, какъ и мягкій, пріятный характеръ, дѣлали цесаревича завиднѣйшимъ женихомъ Европы. Но судьба готовила уже очередной ударъ надъ человѣческимъ разсчетомъ. Николай умеръ на Ривьерѣ отъ болѣзни, бывшей, какъ увѣряли, послѣдствіемъ излишествъ и дурныхъ привычекъ юношескаго возраста. Наслѣдникомъ русскаго престола становился второй сынъ, тихій, неуклюжій и малообразованный офицеръ. Дагмару не спрашивали о томъ, нравится ли ей молодой Александръ, утѣшилась ли она послѣ потери любимаго жениха. Свадьба была справлена со всей пышностью русскаго придворнаго ритуала, и молодая чета поселилась въ Аничковскомъ Дворцѣ,

занимаясь искусствами, живописью и музыкой и совершая ежедневныя паломничества въ зимній дворецъ, резиденцію императора. Тамъ въ долгихъ ожицаніяхъ высочайшаго выхода, проводя томительныя минуты въ рисованіи на запотѣлыхъ стеклахъ оконъ, въ которыя виднѣлась прекрасная, но холодная и безлюдная площадь съ колонной, Александръ и Дагмара (отнынѣ Марія Феодоровна) познали изнанку жизни и могли подружиться, равно обижаемые невниманіемъ родителей, равно чуждые всему кругу людей, близкихъ старому двору. Печальная судьба жены Александра II-го быть свидѣтельницей всѣхъ любовныхъ похожденій мужа, миновала зато Марію Феодоровну,—будущій императоръ былъ относительно вѣрнымъ супругомъ и добрымъ семьяниномъ. Появившіеся на свѣтъ дѣти, слѣдовавшіе одинъ за другимъ съ истинно буржуазной торопливостью, еще сильнѣе сплотили союзъ, заключенный безъ спросу, и эта удача должна была поддерживать раздраженіе въ старѣвшемъ отцѣ, въ лицѣ Юрьевской-Долгорукой обрѣтшемъ далеко неспокойную спутницу жизни. Словомъ, семьи царя и его старшаго сына жили врознь, и когда началась русско-турецкая война 1877-78 г.г., наслѣдникъ былъ назначенъ командовать такимъ отрядомъ, кокой можно было дать только совершенно чужому, нелюбимому и завѣдомо неспособному человѣку. Имѣя въ распоряженіи корпусъ незначительной силы, но обязанный отвлекать на себя вниманіе 4-хъ крѣпостей, изъ которыхъ каждая, особенно Рущукъ, способна была раздавить заброшенный безъ помощи отрядъ Александра Александровича, наслѣдникъ долженъ былъ сильно тосковать. Въ добавокъ ко всему, его представленія къ наградамъ офицеровъ отряда оставлялись безъ движенія, и главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ, имя котораго тѣсно связывается съ царившими въ арміи хищеніями и развратомъ, совершенно игнорировалъ человѣка, который не сегодня-завтра могъ стать его повелителемъ. Окруженный бездарными, но честными офицерами шта-

ба, которымъ начальствовалъ генералъ П. С. Ванновскій*), человѣкъ безъ образованія, Александръ и въ чисто боевомъ отношеніи обреченъ былъ на волю судьбы, продолжавшей, впрочемъ, беречь его для русской реакціи.

Турки считали отрядъ уже потому сильнымъ, что знали, кто стоитъ во главѣ его, и сидѣли себѣ спокойно за крѣпкими брустверами. Въ отрядѣ продолжали волноваться за свою участь, а его командиръ топилъ въ винѣ свои житейскія и военныя незадачи, искусственно создавая туманъ, скрывавшій отъ умственнаго взора милую семью, уютные покои дворца и нѣсколько близкихъ людей, которыхъ, къ слову сказать, Александръ Александровичъ такъ никогда и не научился выбирать. Злоупотребленіе алкоголемъ, къ чему должно было быть предрасположеніе, доходило до настоящихъ періодовъ запоя, отъ котораго вылѣчилъ впослѣдствіи наслѣдника С. П. Боткинъ. Мало мудренаго, что въ такой неприглядной обстановкѣ воспитывалось и то отвращеніе Александра къ военному ремеслу, которое рѣзко отличало его отъ предковъ, сдѣлавшихъ изъ солдатчины какъ бы предметъ культа.

Все, однако, кончается,—кончилась позорнымъ для Россіи Берлинскимъ трактатомъ и Русско-Турецкая война. Всѣ вернулись къ своимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и группа террористовъ, подготовлявшая цареубійство. Какъ и раньше война оказалась неудачнымъ для насъ экзаменомъ. Недовольство миромъ и внутренними безпорядками питалось еще пропагандой революціонныхъ идей, бороться съ которыми правительство могло только штыками и пушками. Но такъ какъ не было подходящей для нихъ цѣли въ видѣ массовыхъ выступленій,

*) П. С. Ванновскій. выслужившійся изъ строевыхъ офицеровъ Николаевскаго времени до положенія военнаго министра. Честный малоспособный солдатъ, ничего не сдѣлалъ для поднятія арміи, а, наоборотъ, понизилъ ея боевыя качества, пренебреженіемъ къ тактикѣ и пристрастіемъ къ самодовлѣющей дисциплинѣ. Въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія, заслужилъ общее уваженіе гуманнымъ и трезвымъ отношеніемъ къ университетскому вопросу.

то обычныя мѣры охраны оказались недостаточными, и перваго марта 1881 г. Александръ II-й былъ убитъ. Этотъ актъ глубоко всколыхнулъ общество и народъ. За убитымъ государемъ числились слишкомъ выдающіяся заслуги, чтобы смерть его прошла безъ рефлекса со стороны населенія. А такимъ рефлексомъ могло быть только желаніе реакціи. Не нужно было быть проницательнымъ политикомъ, чтобы угадать общественное настроеніе и использовать его въ своихъ цѣляхъ и выгодахъ. Положеніе чиновничества облегчалось тѣмъ, вопервыхъ, что народныя массы чтили Александра II-го какъ своего Освободителя отъ крѣпостного гнета; затѣмъ и лучшая часть русской интеллигенціи, прикосновенная къ великимъ реформамъ 60-тыхъ годовъ, негодовала на актъ, который долженъ былъ во всякомъ случаѣ замедлить осуществленіе ея идеаловъ. Наконецъ, это для бюрократіи было всего пріятнѣе: революціонеры были малочисленны, бѣдны и разбросаны по странѣ и европейскимъ центрамъ небольшими группами. Характерно для русскаго режима, что уже и въ то время увѣренность въ планомѣрной провокаціи со стороны правительства была настолько распространена, что одновременно съ убійствомъ царя возникла легенда о томъ, что убили его противники конституціи, а террористы были лишь орудіями въ рукахъ стараго правительства.

Правда, императоръ былъ убитъ всего за нѣсколько часовъ до ожидавшейся санкціи манифеста, обѣщавшаго народу нѣкоторое подобіе представительнаго строя. Но люди, стоявшіе въ то время во главѣ правленія, обладали достаточной силой, чтобы предотвратить заговоръ въ собственной средѣ, еслибъ таковой образовался. Какъ бы то ни было, цареубійство окрыляло надежды реакціонеровъ, и стараніями Побѣдоносцева*),

*) К. П. Побѣдоносцевъ, злой геній Россіи, совѣтчикъ реакціи трехъ императоровъ, развратный страусъ нравственности, подкупной ревнитель честности. Главный виновникъ разложенія православной церкви. Выведенъ Львомъ Толстымъ въ Каренинѣ, чего не могъ простить Толстому и выместилъ отлученіемъ послѣдняго отъ церкви.

графа Толстого и др. манифестъ, который новый царь готовъ былъ уже подписать, не былъ выпущенъ.

Побѣдоносцевъ произнесъ въ совѣтѣ, обсуждавшемъ этотъ вопросъ, рѣчь, которая поражаетъ своимъ лицемѣріемъ, ложью и грубостью ораторскихъ пріемовъ. Но, въ обстановкѣ того времени, слова умнаго, безпринципнаго и безчестнаго бюрократа пали на благодарную почву необразованности и нерасположенія къ конституціи гвардейскаго генерала, какимъ оставался царь; и одновременно съ обращеніемъ его къ народу, трактовавшемъ о всемѣрной поддержкѣ самодержавія, ушли въ отставку всѣ сколько-нибудь выдававшіеся члены прежняго правительства: графъ Лорисъ-Меликовъ, Милютинъ*) и др.

Въ то же время участниковъ убійства ожидала висѣлица. Напрасно обращались къ императору не начинать царствованія убіеніемъ подданныхъ. Ни глубоко-трогательное письмо графа Л. Н. Толстого, ни умѣренныя предложенія извѣстной политической и общественной дѣятельницы, Цебриковой, ни превосходное письмо самихъ революціонеровъ, не могли поколебать волю царя, уже прочно связаннаго по рукамъ и ногамъ, кликой реакціонеровъ. Въ свое время всѣ подсудимые, которыхъ обвинялъ ради карьеры талантливый, но глубоко испорченный прокуроръ Муравьевъ, были повѣшены на глазахъ народа. Въ ихъ числѣ погибла и первая русская женщина, приговоренная къ смерти, Софья Перовская**).

**) Графъ Д. А. Милютинъ, послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ членовъ министерства Лориса-Меликова, пытавшагося сломить вліяніе реакціи съ Побѣдоносцевымъ во главѣ. Высоко поставилъ военно-учебныя заведенія и армію, которая въ 1877—78 г.г. явила больше доблести, нежели полчища терпѣливаго Куропаткина въ 1904 г.

*) С. Л. Перовская, ближайшая сотрудница Желябова. Послѣ его ареста руководила организаціей покушенія. А. И. Желябовъ, геніальный организаторъ и душа партіи „Народной Воли“. Арестованъ 27 февраля 1881 г. Н. И. Кибальчичъ руководилъ изготовленіемъ бомбъ, И. І. Гриневецкій, метатель бомбы отъ которой погибъ Александръ II-й.

Впослѣдствіи мы увидимъ на перекладинахъ висѣлицъ цѣлыя гроздья женскихъ труповъ, но въ то время казнь Перовской произвела безвыгодное для ея инищіаторовъ и сильное впечатлѣніе.

Благодаря измѣнамъ отдѣльныхъ членовъ партіи, большая часть активныхъ революціонеровъ была въ короткое время переловлена, судима и казнена. Остальные отправились въ рудники и тюрьмы Сибири, гдѣ иныхъ засталъ еще въ живыхъ О'Кеннанъ, давшій потомъ превосходную и безпристрастную картину этой юдоли отчаянія въ своей извѣстной книгѣ „Сибирь и Ссылка".

Внутри страны происходила тѣмъ временемъ радикальная чистка въ рядахъ администраціи. Все ненадежное устранялось. Учреждены были генералъ-губернаторства съ опредѣленной цѣлью—давленія на всю жизнь, заглушенія всякихъ попытокъ къ общественной организаціи. Воцарилось взаимное недовѣріе, подозрительность, угрюмое молчаніе. Обыватели, потревоженные въ своихъ гнѣздахъ бурными событіями послѣднихъ лѣтъ, смутой, казнями, снова разбрелись по своимъ мѣстамъ, отдаваясь мелкимъ интересамъ.

Одновременно съ манифестомъ, начинавшимся не совсѣмъ удачной фразой объ убійствѣ отца—„часъ воли Божіей свершился",—(что дѣлало изъ убійцъ какъ-бы слѣпое орудіе Божественнаго Промысла), наслѣдникомъ престола былъ объявленъ старшій сынъ императора Николай Александровичъ. Въ эту важную и, можно сказать, роковую минуту своей жизни, Николай II былъ 12-ти лѣтнимъ, довольно тщедушнымъ и некрасивымъ мальчикомъ; недостаточно большимъ, что бы омыслить совершавшееся вокругъ, но и не такимъ ребенкомъ, чтобы не реагировать на окружавшую его обстановку. Первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ его юности оказались, такимъ образомъ, кровавыя страницы русской исторіи, и будущій царь вступалъ въ сознательную жизнь подъ тѣмъ именно краснымъ знакомъ, который преслѣдовалъ его затѣмъ во всѣхъ отвѣтственныхъ и

важныхъ случаяхъ жизни. Но тогда никто не задумывался надъ судьбой мальчика, въ простой матросской курткѣ, съ худенькой шеей и красивыми, отъ матери унаслѣдованными глазами. Общее вниманіе сосредоточивалось на мобилизаціи вокругъ новаго царя всѣхъ силъ, способныхъ подкрѣпить пошатнувшійся было принципъ самодержавія,—всегда бывшій только синонимомъ чиновничьяго абсолютизма. Что же касается самого царя, то онъ видимо тяготился выпавшей на его долю обязанностью быть всегда на виду и въ центрѣ правленія. Даже самый Петербургъ былъ ему противенъ по воспоминаніямъ, страшилъ своими широкими проспектами и пустынными площадями, гдѣ такъ часто упражнялись въ охотѣ за царями эти неуловимые и непріятные люди, революціонеры. Кончилось тѣмъ, что Дворъ перебрался на постоянное пребываніе въ Гатчину.

ГЛАВА II.

Опять Гатчина.—На антресоляхъ.—Общій тонъ жизни.—Семейныя добродѣтели.—Воспитаніе и образованіе дѣтей.—Англичанинъ.—Спортъ.—Живопись.—Характеры и наклонности трехъ братьевъ.—Игра въ блоху.—Англійскій языкъ вмѣсто родного.—Пріятныя стороны въ характерѣ Александра III.—Его любовь къ Мишѣ.—Случай въ селѣ Ильинскомъ.—Генералъ Даниловичъ.

Гатчина, со времени Павла I-го сохраняетъ отпечатокъ казарменности. Все сѣро, скучно. За внѣшней чистотой прямыхъ улицъ, за пышной зеленью огромнаго парка, за высокими деревянными частоколами, всюду скрывается невыносимая холодная пустота, отсутствіе жизни. Въ кристальныя воды тихихъ Гатчинскихъ прудовъ смотрятся лишь молчаливые лебеди, и такіе же молчаливыя фигуры дворцовой стражи бродятъ по ихъ берегамъ и дорожкамъ звѣринца. Настоящее мѣсто для почетной ссылки какого-нибудь свергнутаго самодержца. И вотъ сюда-то добровольно сослалъ себя и семью свою Александръ III-й, который, однако, и самъ не

зналъ, что дѣлалъ со своимъ самодержавіемъ. Это былъ просто испуганный человѣкъ, которому охотно внушали мысль объ уединеніи, какъ средство сохранить себя отъ бомбы или пули террористовъ.

Та же боязнь, стремленіе замкнуть тѣснѣе вокругъ своего тѣла обычно огромные пустыри дворцовыхъ комнатъ, заставили Александра избрать для постояннаго своего пребыванія не парадные покои, а нѣчто въ родѣ антресолей, гдѣ въ Павловы годы гнѣздилась, вѣроятно, лишь придворная челядь. Человѣкъ средняго возраста легко доставалъ тамъ рукою до потолка, а царь былъ высокъ, тученъ и любилъ воздухъ.

Крохотныя комнаты не вмѣщали въ себя не только громоздкой дворцовой меблировки, но даже рояля негдѣ было поставить, и Марія Федоровна музицировала на обыкновенномъ піанино. Мѣщанскія кресла и кушетки стояли въ мѣщанскомъ же порядкѣ вдоль стѣнъ, на которыхъ чередовались картины новой и старой школъ вперемежку съ фотографіями, прикрѣпленными кнопками къ простымъ скромнымъ обоямъ.

Какъ всегда, обстановка внѣшняя накладывала свою печать и на внутренній строй жизни семьи. Здѣсь дни протекали не какъ въ центрѣ страшной по размѣрамъ власти, гдѣ вершились судьбы стомилліоннаго народа, а какъ въ помѣщичьей усадьбѣ сорокалѣтнихъ годовъ, въ ограниченномъ кругу домашнихъ и хозяйственныхъ интересовъ. И очередные наѣзды министровъ бывали не развлеченіемъ даже, а докукой жизни, походившей на сонный кругъ, слегка подернутый живописной, но вредной полѣсенью.

Семейныя добродѣтели Александра, какъ нельзя болѣе, гармонировали съ такимъ укладомъ жизни. Нужно отдать справедливость, что дѣтскіе годы Николая II и его братьевъ протекали, благодаря этому, внѣ сферы любовныхъ дрязгъ, наполняющихъ обыкновенно царскіе дворцы. Здѣсь можно было дать дѣтямъ должное обраnзораніе и воспитаніе, но это единственная хорошая сторона царскаго отшельничества не была, да и не могла

быть использована, какъ слѣдуетъ. Человѣкъ безъ серьезнаго образованія, немножко ослабленный алкоголемъ и тяжелыми впечатлѣніями прежней жизни, Александръ III едва-ли отдавалъ себѣ отчетъ въ необходимости для наслѣдника престола тѣхъ знаній, отсутствіе которыхъ у него самого никто не давалъ ему понять. Только любовь къ дѣтямъ заставляла искать имъ воспитателей, за нейтральность и доброту которыхъ можно было бы быть покойнымъ. Та же картина наблюдалась въ старые годы въ среднихъ дворянскихъ семьяхъ Россіи: скверные, случайные учителя и хорошія, честныя и привязанныя няньки.

Такой именно нянькой былъ воспитатель Николая и его братьевъ Англичанинъ М-г C. Heath „Карлъ Осиповичъ“, какъ его обыкновенно называли. Чистѣйшій идеалистъ, хорошо по своему образованный умъ, прекрасный художникъ (акварелистъ) и спортсменъ, М-г C. Heath, принесъ во дворецъ, кромѣ всего этого, еще и глубокую преданость, пріютившей его царской семьѣ. Но ни сорокъ лѣтъ проведенныхъ имъ въ Россіи, ни постоянныя встрѣчи и бесѣды съ русскими людьми не принесли ему никакого знанія страны, народа, его исторіи. Поэтому и вліяніе этого человѣка было ограничено также, какъ и вліяніе всякой няньки, стѣнами дѣтской. Въ раннемъ дѣтствѣ оно сказалось привитіемъ, вмѣсто родного, англійскаго языка. И долго еще спустя, когда Николай уже царствовалъ, его русскія рѣчи, если не были приготовлены, были подстрочными переводами англійскихъ фразъ Въ юношескіе годы первое мѣсто занялъ спортъ всѣхъ видовъ, и царскіе сыновья хорошо скакали, стрѣляли, ловили лососей. Къ живописи и музыкѣ ни у кого не оказалось наклонностей, а то, что дѣлали акварелью Николай и Ольга, указывало даже на особенную ихъ бездарность. Характеры дѣтей, какъ это нерѣдко случается, были совершенно несхожи, несмотря на однородную атмосферу семьи. Никто не прививалъ, напримѣръ, Николаю II важности и сознанія его будущей роли, но онъ смутно ощущалъ ее самъ,

Когда въ первый разъ появился за обѣденнымъ столомъ старикъ, съ красивымъ ласковымъ лицомъ типичнаго англійскаго джентльмена, Николай холодно привѣтствовалъ своего будущаго воспитателя. А послѣ обѣда, когда M-r Heath, желая сломать чувствовавшійся ледокъ, предложилъ мальчику поиграть съ нимъ, Николай, съ непшедшей къ его скромной и милой фигуркѣ, напыщенностью сказалъ: „Какъ мнѣ съ Вами играть? Я князь, а Вы простой старикъ". Умный англичанинъ схватилъ тогда „князя" на руки, и черезъ полминуты тотъ заливался веселымъ хохотомъ, защищаясь отъ блохи, которую изображалъ изъ себя M-r Heath. Впослѣдствіи, напоминая подросшимъ братьямъ необходимость скромности, онъ сложилъ для нихъ очень милую сказку о поросенкѣ, кичившемся своей породой и крючковатымъ хвостомъ. Дѣло кончалось тѣмъ, что поросенка опрокидывалъ въ борьбѣ какой-то плебой того-же скотнаго двора, и видъ голубого неба, облаковъ и деревьевъ обращалъ негоднаго свиненка въ вполнѣ порядочную свинью.

Георгій, второй сынъ, былъ болѣе замкнутъ. Будущая болѣзнь, отъ которой не застрахованы и обитатели дворцовъ, отражалась уже на его характерѣ, особенно дисгармонировавшемъ съ живымъ, веселымъ нравомъ младшаго сына, Миши, здороваго, краснощекаго мальчугана и любимца отца.

Нерѣдкость было видѣть, какъ проѣзжая по улицамъ Гатчины и даже Петербурга, Александръ сидѣлъ, пригнувшись къ крошечному человѣку въ офицерской формѣ, и какъ грузное тѣло царя сотрясалось отъ смѣха, вызваннаго какимъ-нибудь замѣчаніемъ Миши.

Въ воспоминаніяхъ одного близкаго ко двору лица, которыя намъ довольно часто придется цитировать, находимъ описаніе такой сцены въ селѣ Ильинскомъ, гдѣ Александръ нерѣдко гащивалъ у своего брата Сергѣя: „Взрослые сидѣли на террасѣ, уставленной цвѣтами, а Миша копался внизу въ пескѣ. Взявъ лейку съ водою, бывшею случайно возлѣ него, Александръ крикнулъ: „Ну-ка, Миша, становись сюда!" Миша сталъ подъ тер-

расой и отецъ вылилъ ему на голову немного воды. Всѣ посмѣялись и хотѣли уже послать мальчика переодѣться, какъ онъ потребовалъ, чтобы его мѣсто занялъ отецъ. Дѣлать нечего, Александръ сошелъ съ террасы, а Миша, завладѣлъ наверху лейкой, все ея содержимое отправилъ на блестѣвшую на солнцѣ лысину царя, послѣ чего оба и отправились мѣнять свои туалеты".

Все это было бы мило, если бы параллельно съ простотой режима шло хорошее образованіе, къ чему, казалось, были всѣ средства.

Но здѣсь-то и поджидало Николая II невѣжество, оставившее его навсегда на уровнѣ гвардейскаго офицера, съ его замашками, неосвѣдомленностью и наклонностью судить обо всемъ подъ угломъ зрѣнія человѣка въ аксельбантахъ. Составъ преподавателей былъ на рѣдкость плохъ; а тѣ, что готовы были бы поразвязать свои языки на урокахъ, стѣснялись и своего общаго руководителя, Побѣдоносцева, и присутствовавшаго всегда генерала Даниловича, *) тупого, мало знавшаго человѣка, не имѣвшаго и отдаленнаго представленія о важности и существѣ выпавшей на его долю задачи.

Совершенно очевидно, что наука, подносившаяся и безъ того неподготовленному мозгу въ столь неказистой формѣ, должна была только утомлять его, а не развивать, надоѣдать, а не заинтересовывать.

Не лучше шли и военные предметы; сколько нибудь талантливые люди держались военнымъ министромъ Ванновскимъ, что называется въ черномъ тѣлѣ, а бездарности изъ Главнаго Штаба давали еще меньше, нежели бездарности изъ Университетовъ. Надо всѣмъ доминировали попы, церковныя церемоніи и обряды, парады, маневры, формы одежды войскъ и тому подобныя вещи и дѣла, способныя только принизить интеллектъ будущаго монарха. По странной ироніи судьбы, воспитаніе и образованіе русскихъ царей подвергалось словно

*) Г. Г. Даниловичъ, оффиціальный воспитатель Николая II, также безцвѣтенъ, какъ и все, что окружало дѣтство и юность правителя Россіи.

преднамѣренной деградаціи, шедшей въ обратномъ направленіи съ ростомъ и усложненіемъ государственной жизни: Лагарпъ у Александра I и ничтожный швейцарецъ, любитель богословія, у Николая I-го; Жуковскій у Александра II-го и Даниловичъ у Николая II-го; молодой Побѣдоносцевъ у Александра III-го и руина—Побѣдоносцевъ у его сына.

Итакъ, если отъ юноши скрывали даже научную правду, то что же ожидало во дворцѣ-печальную правду самой жизни? „Пока вы еще наслѣдникъ, пользуйтесь случаемъ слышать правду. Станете царемъ—поздно будетъ",—не разъ говорилъ M-r Heath Николаю. Но онъ и самъ не зналъ этой правды.

Глава III.

Поѣздка лицъ царской фамиліи по Россіи.—Владиміръ Александровичъ.—Пугачевъ.—Крушеніе въ Боркахъ.—Ушибы и ихъ послѣдствія.—Охрана царскаго пути.—Начало болѣзни Александра III.

Да и гдѣ было искать ее, эту правду, при дворѣ, самый воздухъ котораго насыщенъ былъ ложью, гдѣ простодушіе цѣнилось постольку, поскольку прикрывало какой-нибудь расчетъ. Наивный воспитатель Николая былъ исключеніемъ, только оттѣнявшимъ общую испорченность нравовъ.

Нельзя сказать, что бы не дѣлалось попытокъ ознакомленія великихъ князей и царей съ жизнью страны. Ихъ выпускаютъ иногда съ опредѣленной миссіей въ проѣздку по опредѣленному заранѣе числу городовъ Россіи или заграницы. Притомъ не инкогнито, потому что теперь и сыщикъ полицейскій съ трудомъ свое сохраняетъ, а во всеоружіи власти, со свитой, съ точнымъ маршрутомъ и циркулярами губернатора; въ такихъ предписаніяхъ можно найти не только перечень вещей или явленій, которые надлежало скрыть отъ высокаго вниманія, но и „проэкты рѣчей" съ которыми слѣдовало обращаться къ гостю. Понятно, что администрація выполняла все пунктуально и въ ма-

ленькомъ размѣрѣ повторяла подтасовку, сдѣланную Потемкинымъ во время вояжа по Россіи Екатерины II. Обратная сторона медали открывалась лишь случайно, когда сквозь строй тщательно профильтрованнаго „народа“ протискивался какой нибудь человѣкъ съ прошеніемъ въ рукахъ, и испуганные полицейскіе кидались на него, принимая за террориста.

Все протекало, впрочемъ, по шаблону. Войска и агенты охраны кричали ура, проклиная въ душѣ тяжелый день, когда приходилось быть на ногахъ и на мѣстахъ съ ранняго утра; губернаторы и исправники мысленно молили Творца, чтобы пронесъ благополучно хлопотливаго посѣтителя. Послѣдній старался дѣлать ласково-милостивое лицо и задавать не слишкомъ ужъ глупые и пустые вопросы. Разнообразили постоянный тонъ картины лишь непредвидѣнные случаи. Такъ, покойный поэтъ и придворный хроникеръ, К. Случевскій, разсказывалъ о посѣщеніяхъ въ 80-тыхъ годахъ прошлаго вѣка В. К. Владимиромъ Александровичемъ, *) поволжскихъ городовъ.

Въ Самарѣ, въ числѣ мѣстныхъ достопримѣчательностей, великому князю рѣшили показать столѣтнюю бабу, еще державшуюся на ногахъ, что въ русскомъ крестьянствѣ являлось дѣйствительно изумительнымъ случаемъ. Старуха повалилась на землю, пытаясь поцѣловать край княжеской одежды, и затѣмъ съ чувствомъ перекрестилась.

„Что ты, крестишься, бабушка?.“—спросилъ ее Владимиръ, не пропускавшій случая пошутить и позубоскалить. „Какъ мнѣ, отецъ, не креститься,“—прошамкала старуха,—„вѣдь вотъ Богъ привелъ подъ старость вторую царствующую особу видѣть“.—„А кого же ты еще видѣла, царя, что-ли?.—продолжалъ добродушно Владиміръ. „Вѣстимо, родной, царя, самого нашего

---

*) Вел. кн. Владимиръ Александрвичъ, жуиръ и растратчикъ чужихъ денегъ, до старости красивый, добродушный весельчакъ. Послѣ 1904 г. осѣлъ, сталъ съ Треповымъ во главѣ погромнаго движенія, часто ссорился съ царемъ по вопросу о самодержавіи.

батюшку Емельку Пугачева", неожиданно изрекла самарская древность, къ великому конфузу присутствующихъ.

Недовольный великій князь поспѣшилъ ретироваться, а губернаторъ вѣрно счелъ карьеру свою навсегда испорченной.

Владиміръ былъ не глупъ и хорошо понялъ, что если старики на Поволжьѣ продолжали считать главаря крестьянскаго бунта за царя, то въ молодыхъ должна была биться та же жилка ненависти къ дворянству и чиновничеству, которая при благопріятныхъ условіяхъ могла привести къ новому самозванцу, а ужъ къ бунту —навѣрное. Такъ въ 1905—7 г.г. и случилось. Но тогда, подъ вліяніемъ широко расцвѣтшей, благодаря общественной поддержкѣ, реакціи Александра III-го, власти были, конечно, далеки отъ пессимизма, и отъ времени до времени великіе князья, а то и самъ царь, выѣзжали изъ своихъ дворцовъ знакомиться съ народомъ.

Съ царемъ всѣ приготовленія и расчеты были еще сложнѣе: здѣсь пускались въ ходъ самыя сильныя и бюрократическія пружины, чтобы на мѣстѣ ничто не сорвалось, и чтобы не вышло никакого противорѣчія, между тѣмъ, что царь увидитъ, и соотвѣтствующимъ докладомъ по этому отдѣлу министра. Путешествіе осложнялось еще и общимъ страхомъ передъ покушеніемъ на царскіе поѣзда, къ чему власти были пріучены еще при Александрѣ II. Для предотвращенія опасности не оставалось иного средства, какъ военная охрана всего пути. И вотъ войска собирались какъ на войну. Раздавались боевые патроны, на тысячеверстныхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ вводилось военное положеніе, станціи наводнялись офицерами, жандармами и сыщиками. Пассажиры безпокоились, поѣзда задерживались, товарное движеніе нарушалось вовсе. Сами служащіе на путяхъ рисковали жизнью отъ пули солдата не менѣе всякаго другого. Достаточно было приблизиться къ своей собственной сторожкѣ на разъѣздѣ въ моментъ

перехода на такъ называемое „третье" положенiе (передъ проходомъ императорскаго поѣзда), чтобы въ сторожей уже стрѣляли безъ предупрежденiя. Подъ мостами всякое движенiе прекращалось. Такъ, бывали случаи убiйствъ плотовщиковъ, которые лишены были всякой возможности остановить плоты, плывшiе по теченiю подъ мостъ въ несчастный моментъ прохода царскаго поѣзда.

Такимъ образомъ, рѣдкое путешествiе русскаго царя обходилось безъ нѣсколькихъ убiйствъ, въ которыхъ, казалось-бы и некого было винить. Но только казалось. О каждомъ случаѣ стрѣльбы разносилась широкая молва; она, какъ горное эхо, удесятеряла размѣры случая и все прiурочивала къ царскому имени, внушая крестьянамъ, что, если бы царь сидѣлъ дома, то ничего бы и не случилось.

Гораздо позднѣе, когда Николай II-ой смогъ, благодаря разоблаченiямъ роли Азефа, сдѣланнымъ Лопухинымъ, и послѣдовавшаго за ними разгрома боевой группы революцiонеровъ, посѣтить европейскiе дворы, произошли на той же почвѣ другiя крушенiя поѣздовъ. Въ царствѣ польскомъ кто-то изъ начальства распорядился передъ проходомъ поѣзда развинтить и снять по нѣскольку сажень со всѣхъ примыкавшихъ къ магистрали путей, а такъ какъ о мудрой предосторожности сообщать было некогда, а послѣ прохода поѣзда о скорѣйшемъ соединенiи путей позабыли, то два товарные поѣзда сошли съ рельсъ и крушились.

Это путешествiе Николая долго было темой разговоровъ на желѣзныхъ дорогахъ Европы. Въ Италiи на охрану путей согнано было до 300 войсковыхъ частей, и это смѣшило народъ, привыкшiй видѣть своего монарха среди себя безъ всякой охраны и первымъ во всѣхъ выдающихся случаяхъ жизни помощникомъ и другомъ. Въ Германiи же потѣшались надъ странной депешей по пути о заготовкѣ во всѣхъ мѣстахъ остановокъ царскаго поѣзда запасовъ брюссельской капусты „для осла Его Величества". Оказалось,

что царь везъ въ подарокъ сыну итальянскаго осла, требовавшаго, какъ и подобаетъ придворному ослу, только отборной пищи. Зато самый ходъ поѣзда былъ тамъ, по крайней мѣрѣ, покоенъ.

Со времени крушенія въ Боркахъ, всякое пребываніе въ вагонѣ должно было держать мысль Николая на сторожѣ. Второй разъ нельзя разсчитывать на чудо. (Впрочемъ, Н. В. Муравьевъ, бывшій тогда прокуроромъ Петербургской Судебной Палаты, не скрывалъ отъ близкихъ людей, что крушеніе было вызвано террорическимъ актомъ, и что царскую семью спасло не чудо, а хорошее устройство вагоновъ, свинцовое дно, котораго удержало отъ сплющенія и вагонныя стѣнки). Извѣстно, что въ Боркахъ всѣ спасшіеся члены царской семьи получили болѣе или менѣе серьезныя ушибы, а начало смертельной болѣзни Александра III-го, независимо отъ подготовленной алкоголемъ почвы, было положено именно ударомъ въ области почекъ о столъ или другой тяжелый предметъ вагонной обстановки. Расходы по путешествіямъ царей огромны, и львиная доля ихъ погашается средствами народа, а не Двора.

Глава IV.

Путешествіе наслѣдника вокругъ свѣта.— Причины поѣздки.— Составъ свиты. Неумѣнье хорошо обставить поѣздку. Какъ проводили время на кораблѣ. Барятинскій и Ломенъ. Вино, охоты. Драки между князьями. Паденіе Георгія. Въ японіи. Безтактности. Покушеніе на Николая. Было ли сотрясеніе мозга? Разрощеніе черепной кости; его послѣдствія.

Первымъ крупнымъ событіемъ въ личной жизни Николая Александровича было его путешествіе вокругъ свѣта. Снарядить для такой цѣли наслѣдника престола значило, кромѣ его образованія, поддержать международныя связи Россіи, завязать новыя сношенія съ дальневосточными государствами, показать блескъ своего царства. Но едва-ли задавались тогда этой цѣлью. Ко

времени поѣздки Николая, дворъ его отца былъ уже совершенно очищенъ отъ просвѣщенныхъ современниковъ Александра II, и тамъ безраздѣльно властвовали частью простодушные люди, вродѣ Черевина,*) дѣлившаго время между дворомъ и бутылками вина, или Рихтера,**) остзейскаго помѣщика и свитскаго генерала, частью подозрительные обдѣлыватели своихъ дѣлъ, какъ Гессе, дворцовый камендантъ Гатчины, и его близкіе.

Даже врача хорошаго не было при царѣ, такъ какъ лейбъ-медикъ Гиршъ отличался завѣдомымъ невѣжествомъ въ своей области. Поэтому не къ кому было обратиться за совѣтомъ, какъ обставить поѣздку сына; о самой причинѣ ея говорили, что наслѣднику необходимо разсѣяться и забыть одну изъ привязанностей, становившуюся опасной.

Великій князь отбылъ въ дальній путь, окруженный только своими товарищами по Преображенскому и Гусарскому полкамъ. Единственнымъ сколько-нибудь грамотнымъ человѣкомъ въ его свитѣ былъ князь Э. Ухтомскій, будущій исторіографъ этого путешествія, не бывшій, впрочемъ, ни ученымъ, ни писателемъ. Главнымъ распорядителемъ назначили стараго и полуслѣпого генерала князя Барятинскаго, отличавшагося своею ограниченностью, даже и въ невзыскательномъ Гатчин-

---

*) Черевинъ П. А., любимый генералъ адъютантъ Александра III-го хотя на всякаго другого долженъ былъ бы подѣйствовать охлаждающе слѣдующій случай: убиваютъ Александра II-го, его сынъ спѣшитъ въ зимній дворецъ; на лѣстницѣ Черевинъ суетъ ему бумагу, прошеніе объ узаконеніи сына отъ танцовщицы; Александръ III-й въ передней подписываетъ бумагу и этимъ совершаетъ первый государственный актъ, по существу ему мало пріятный.

**) О. Б. Рихтеръ, старѣйшій генералъ-адъютантъ Александра III-го. Въ царствованіе Александра II-го ему предложено было царемъ жениться на его возлюбленной, княгинѣ Долгоруковой (не Юрьевской), но Рихтеръ отказался и женился на своей кузинѣ. Альбединскій же, принявшій изъ царскихъ рукъ надоѣвшую княжну, получилъ генералъ-адъютанство и генералъ-губернаторство въ Варшавѣ. Честному Рихтеру дали дивизію на югѣ, — съ глазъ царскихъ долой.

скомъ кругу. Вѣроятно, благодаря этой именно чертѣ, уже съ самаго начала экспедиціи обнаружились тренія между морскими и свитскими офицерами, дошедшіе потомъ до рѣзкаго конфликта между Барятинскимъ и командиромъ броненосца „Память Азова", на которомъ всѣ находились, адмираломъ Ломеномъ. Потомъ дѣло уладилось, и твердый адмиралъ отстоялъ свою независимость.

Одна за другой мелькали между равнодушными взорами высокихъ путешественниковъ европейскія и экзотическія страны. Красоты невиданной еще никѣмъ изъ нихъ природы смѣнялись другими. Пересѣкали моря и океаны, въѣзжали вглубь чужихъ государствъ на слонахъ, верблюдахъ, въ экспрессахъ. Но все это было какъ бы движущейся декораціей въ балетѣ „Спящая Красавица", съ той разницей, что здѣсь было не сонное, а пьяное царство. Вино лилось рѣкой ежедневно, и, при самомъ умѣренномъ его употребленіи, головы всегда должны были находиться во хмелю. Но умѣренности не наблюдалось, и князья Николай и Георгій, тоже отправленный въ теплые края, не отставали отъ другихъ. Очень быстро освоились съ этими наклонностями путешественниковъ и администраторы государствъ, принимавшихъ ихъ,—почему всякая надежда на образовательное значеніе поѣздки должна была отпасть. Мало того, даже увеселительная часть ея оказалась очень короткой. Полное бездѣліе и кутежи на кораблѣ, гдѣ женщины отсутствовали, привели, въ концѣ концовъ, къ вознѣ, борьбѣ, а тамъ и просто къ дракамъ; во время одной изъ полушуточныхъ, полусерьезныхъ схватокъ Георгій Александровичъ упалъ, какъ говорили, съ лѣстницы, расшибъ себѣ грудь и такъ ускорилъ процессъ, уже бывшій въ легкихъ, что его пришлось въ первомъ же порту ссадить и отправить въ Россію, гдѣ онъ протянулъ еще нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ горныхъ курортовъ Кавказа, Абасъ-Туманѣ (скончался тамъ же будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ).

Николай продолжалъ путешествіе, стрѣлялъ въ тигровъ и крокодиловъ, пользовался всѣми запретными

удовольствіями въ полную свою волю и приближался къ Японіи, двойную и трагическую роль которой въ своей жизни не могъ, конечно, предвидѣть.

Частью благодаря безтактностямъ, отъ которыхъ никто не застрахованъ внѣ знакомой среды, частью вслѣдствіе невѣжества, русскіе гости съ самаго начала раздражали японское простонародіе посѣщеніемъ ихъ храмовъ, гдѣ не умѣли вести себя въ присутствіи изображенія Будды и другихъ мѣстныхъ боговъ. За фанатикомъ, взявшимъ на себя миссію отомстить за истукановъ, дѣло не стало, и Николай едва не погибъ отъ основательнаго удара японской сабли по своей легкомысленной головѣ. Второй ударъ отразилъ товарищъ по путешествію, греческій королевичъ Георгій. Японца успѣли схватить, и вся компанія поспѣшила на „Память Азова" залѣчивать первую рану, нанесенную Японіей Россіи.

Опять-же никто не могъ тогда предвидѣть послѣдствія этого печальнаго случая, но, съ одной стороны, у Николая долженъ былъ остаться въ душѣ горькій осадокъ, раздраженіе противъ страны, такъ оригинально проявившей свое гостепріимство; съ другой,—и это самое важное,—рана оказалась серьезнѣе, чѣмъ думали въ первый моментъ.

Хотя, повидимому, сотрясенія мозга и не послѣдовало, но въ черепной кости, слегка надтреснутой отъ удара, началось разрощеніе костного вещества. Процессъ шелъ въ обѣ стороны, и теперь Николай всегда испытываетъ въ лѣвой половинѣ мозга давленіе, которое должно отражаться и на психическихъ функціяхъ. Продолжаясь годами, такой болевой эффектъ приводитъ къ основательному разстройству, или, во всякомъ случаѣ, измѣненію интеллекта и нарушаетъ психическое равновѣсіе. Въ странѣ, гдѣ личная политика государя, не исключается, и гдѣ чиновничество умѣетъ использовать всякій дефектъ правителя, такое травматическое нарушеніе здоровья не могло остаться безъ послѣдствій и для самого народа.

Въ Россіи приключеніе не произвело сильнаго впечатлѣнія. Народъ, понятно, оставался равнодушнымъ, помня, какія страданія ему приносило послѣднее царствованіе, помня, какъ оно ему приносило лишь голодъ, нищету, смерть, и всегда оставляло его безпомощнымъ въ трудные моменты исторіи, предоставляя выпутываться самому. Нужно сказать, что привязанность русскаго народа къ самодержцу вообще есть такой же миѳъ, какъ и любовь его къ церкви. „До Бога высоко, до царя далеко“, говоритъ русскій крестьянинъ и покорно ложится подъ розгу или даетъ взятку какому-нибудь начальнику.

Интеллигенція была недовольна поведеніемъ наслѣдника, предвидя новое ничтожное царствованіе. Въ придворныхъ сферахъ сплетничали и разсказывали небылицы, ожидая возвращенія путешественниковъ, чтобы установить истину. Царь долженъ былъ быть огорченъ искреннѣе всѣхъ, потому что, тяготясь своею ролью, онъ все же отдавалъ ей все разумѣніе. И, во всякомъ случаѣ, среди мелкихъ корыстныхъ и безвольныхъ людей, составлявшихъ ряды разросшейся царской фамиліи, это была, кажется, единственная, опредѣленная, честная и знавшая, чего хочетъ, величина.

Николай ничего этого не унаслѣдовалъ.

Глава V.

Закладка Сибирскаго пути.—Генералъ Е. В. Богдановичъ.—Значеніе дороги.—Хищенія. Техническіе и стратегическіе дефекты.—Внутреннее разложеніе Россіи, впервые дѣлается очевиднымъ для желтой расы.—Возвращеніе черезъ азіатскія владѣнія.—Ненаблюдательность.—Показная сторона.—Результаты путешествія.—

Ко времени вступленія Николая на русскую землю, на пути изъ Японіи подготовлено было своего рода культурное торжество,—закладка Великаго Сибирскаго Пути. Онъ долженъ былъ принести на Дальній Востокъ видимые признаки той мощи Россіи, въ которую вѣрили тамъ больше по наслышкѣ. Неизвѣстное всегда

пугаетъ, и самодержавной Руси было-бы лучше, пожалуй, обождать съ проявленіемъ своей дѣйствительной силы. Но вѣра въ себя была тогда у правительства велика и сибирскій путь былъ не только заложенъ, но и проведенъ. Многіе приписывали себѣ иниціативу этой дороги, больше всѣхъ генералъ Богдановичъ, котораго, кстати сказать, Александръ III-й совершенно основательно презиралъ, называя не иначе, какъ „болтуномъ" и отлично зная всѣ шашни генерала, ловившаго рыбу въ мутной водѣ съ ловкостью прирожденнаго хищника. На самомъ дѣлѣ дорога была нужна всего больше тѣмъ казнокрадамъ, которые въ Россіи не только слетаются на всякое государственное предпріятіе,—но и сами провоцируютъ крупные расходы казны подъ предлогомъ государственной необходимости: Надежды на транзитное и стратегическое значеніе Сибирскаго пути были только лишними поводами къ новой „панамѣ", изъ которой, не въ примѣръ Франціи, всѣ вышли сухими.

Дѣло въ томъ, что благодаря медленности грузового движенія, обусловленнаго плохимъ устройствомъ пути и высокому тарифу, грузы не только Европы, но и центральной Россіи могли смѣло итти на востокъ моремъ, не боясь ничьей конкурренціи на Сибирской линіи. Стратегическое же значеніе дороги, при одноколейности, необезпеченности отъ нападеній и разрушеній, при направленіи магистрали ея по чужой территоріи (Манджуріи) были скорѣе отрицательнаго свойства, указывая на Ахиллесову пяту русской военной организаціи. Да и вообще это колоссальное предпріятіе, которое въ рукахъ культурнаго и правового государства могло имѣть рѣшающее значеніе, какъ факторъ обогащенія и вліянія, для Россіи оказалось поводомъ къ одному изъ тѣхъ краховъ, которые, точно толкаемые рокомъ, сами создаютъ себѣ абсолютныя монархіи.

На Востокѣ, гдѣ хорошо взвѣшивали всякій шагъ Россіи, и гдѣ только гипнозъ далекаго Петербурга поддерживалъ дотолѣ нашъ престижъ, незамедлили учесть всѣ дефекты, техническіе, военные и админи-

стративные, коими страдала постройка сибирскаго пути, и которые ярко свидѣтельствовали о слабости правительства, о разложенiи власти, о господствующемъ стремленiю къ расхищенiю народныхъ средствъ. Но до поры, до времени иллюзiи сохранялись, по крайней мѣрѣ, съ русской стороны. И наслѣдникъ Александра III-го продѣлалъ всю церемонiю закладки, провезъ тачку песку, постучалъ лопатой и расписался, гдѣ нужно. За нимъ, съ видомъ чрезвычайной серьезности, повторили тѣ-же манипуляцiи господа изъ свиты, и Николай поѣхалъ черезъ Сибирь „на перекладныхъ", разсѣянно поглядывая на пустыню, гдѣ отдѣльными оазисами попадались человѣческiя поселенiя, и гдѣ все, что говорило о страданiяхъ его будущихъ подданныхъ, или о неумѣнiи администрацiи, тщательно скрывалось за трiумфальными арками и банальными рѣчами банкетовъ. Не было охоты наблюдать, что было-бы нетрудно даже и при изворотливости окружающихъ, да и умѣнья не было. Тѣ стороны жизни, что изощряютъ эту способность у всякаго живого существа, исключались изъ обихода русскихъ царей, а ихъ „очи", какъ любятъ величать разные чиновники,—всегда мигали, косили и закрывались, когда нужно было смотрѣть прямо и честно въ лицо суровой дѣйствительности.

Глава VI.

Служба въ войскахъ. — Общiй духъ гвардiи того времени. — Принцъ Ольденбургскiй и его чудачества. — Извращенные наклонности и ихъ распространенiе въ Петербургскихъ общественныхъ кругахъ. — Удаленiе 20-ти офицеровъ. — Будущiе архипастыри: Гермогенъ и Серафимъ въ ихъ числѣ. — Гусары. — Ихъ командиръ великiй князь Николай Николаевичъ. — Пьянство и развратъ. — Родство съ гостиннымъ дворомъ. — Разсказъ о волкахъ. — На крышѣ. — Плохая компанiя. — Отравленiя организма алкоголемъ. — Любовныя похожденiя. — Кшесинская. — Поляки не сумѣли использовать ея влiянiя. — Преображенскiй полкъ. — Великiй князь Сергѣй Александровичъ. — Привилегiи перваго баталiона и ихъ результатъ. — Дурной тонъ полка. — Нейдгардтъ. — Рыцарскiя чувства Николая.

Путешествiе не внесло въ жизнь Николая ничего новаго и вернувшись въ Петербургъ, онъ снова погрузился въ

полковую жизнь, отрываясь только на короткіе часы лекціи или засѣданій совѣта по сооруженію сибирской дороги, предсѣдателемъ котораго былъ еще ранѣе назначенъ. По прежнему его окружали строевые офицеры, среди коихъ недавніе спутники также безслѣдно растворились, подѣлясь впечатлѣніями отъ гомерическихъ кутежей и праздно проведеннаго времени.

Рутина сказывалась во всемъ,—такъ Александръ не любилъ военной службы, но ничего не предпринялъ, чтобы ослабить ея вліяніе на сына.

Обративъ личное вниманіе и усиліе на подавленіе въ странѣ революціоннаго броженія, а попутно давя и на всю жизнь, онъ не озаботился о хорошей подготовкѣ наслѣдника къ внутреннему управленію, оставляя ему опредѣленное наслѣдство, онъ не научилъ пользоваться имъ, и неумѣніемъ Николая воспользовались, по его вступленіи на престолъ, всѣ, кому это было нужно.

Въ тѣ годы, когда наслѣдникъ маршировалъ передъ ротой и скакалъ передъ эскадрономъ, гвардія не отличалась по духу отъ общаго тона великосвѣтской жизни Петербурга. Офицеры гвардейскихъ полковъ были желанными гостями въ домахъ высокопоставленныхъ чиновниковъ и не жили тѣми узко обособленными интересами, что свойственны армейскимъ частямъ, разбросаннымъ по русскимъ провинціямъ. Но такъ какъ жизнь высшаго круга была чрезвычайно пуста, ибо ему не на что было употреблять спокойный досугъ, обезпечиваемый реакціей, кромѣ какъ на развлеченія, то и занятія гвардейской молодежи сводились къ баламъ, любительскимъ спектаклямъ и дружескимъ возліяніямъ въ полковыхъ собраніяхъ. Интересы службы были ничтожны, тамъ все шло по установленному шаблону, и опытъ турецкой войны привелъ только къ перемѣнѣ солдатской формы на такую же непрактичную, дорогую и неудобную, но красивую.

На этомъ фонѣ ничего недѣланія странно выдѣлялась безпокойная фигура принца А. П. Ольденбургскаго, командира гвардейскаго корпуса. Сознательно

или безсознательно взявъ себѣ за образецъ Павла I, онъ старался „подтягивать“, какъ говорятъ военные, офицеровъ и поражалъ своими чудачествами бездѣльниковъ и сплетниковъ столицы. Наряду съ этимъ, принцъ удѣлялъ немало времени и средствъ на созданіе такихъ, напримѣръ, учрежденій, какъ институтъ экспериментальной медицины, и лечилъ солдатъ отъ зубной боли какими-то магнетическими кольцами, совмѣщая такимъ образомъ невѣжество съ инстиктивнымъ стремленіемъ къ научному прогрессу, якшанье съ шарлатанами—съ дружбой съ великимъ Пастеромъ. Анекдоты объ Ольденбургскомъ всегда были излюбленными темами разговоровъ на всѣхъ парадахъ, смотрахъ и маневрахъ.

Была, однако, одна печальная сторона военнаго быта того вѣка, и нынѣ, впрочемъ, не исчезнувшая, которую ретивый принцъ тщетно старался искоренить. Это—появленіе среди гвардейскаго офицерства привычекъ, которыя внушаютъ отвращеніе европейцамъ и приводятъ иногда на скамью подсудимыхъ даже и такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ, скажемъ, графъ Эйленбургъ, другъ императора Вильгельма. Правда, въ этомъ отношеніи повинны были далеко не одни офицеры, которые только имѣли въ своемъ распоряженіи больше живого товара, въ лицѣ солдатъ и такъ называемыхъ „кантонистовъ“, учениковъ полковыхъ школъ. Позорному пороку предавались и многіе извѣстные люди Петербурга, актеры, писатели, музыканты, великіе князья. Имена ихъ были у всѣхъ на устахъ, многіе афишировали свой образъ жизни. Скандалы, сопровождавшіе открытіе за кѣмъ-нибудь такихъ похожденій, тянулись непрерывно, но до суда грязныя дѣла обычно не доходили. Въ этомъ отношеніи рѣшительности Вильгельма II-го, не пощадившаго и личнаго друга, Александру не хватало, и терпя въ своей собственной фамиліи столь-же порочныхъ членовъ, онъ ограничивался изрѣдка отставками офицеровъ, дѣянія которыхъ получали ужъ слишкомъ широкую огласку. Былъ, впрочемъ, одинъ случай и массоваго

изгнанія. 20-ть гвардейскихъ офицеровъ были исключены безъ суда со службы за порочность, что не помѣшало имъ, конечно, сдѣлать потомъ болѣе или менѣе удачныя карьеры. Удивительнѣе то, что среди нихъ находились два будущихъ русскихъ архіерея Гермогенъ и Серафимъ, оба оказавшіеся настоящими устоями самодержавной власти, столь сурово съ ними самими поступившимп.

Курьезно было и то, что порокомъ страдали не всѣ полки гвардіи. Въ то время, напримѣръ, когда Преображенцы предавались ему, вмѣстѣ со своимъ командиромъ, чуть не поголовно, лейбъ-гусары отличались естественностью въ своихъ привязанностяхъ. Зато пьянство гусаръ носило легендарный характеръ, а въ Преображенскомъ полку царила относительная трезвость.

Обычай назначать командирами полковъ великихъ князей былъ дурной обычай. Они, если и не хотѣли, развращали офицеровъ своимъ богатствомъ, привычками, предпочтеніемъ однихъ другимъ. Дружбы и расположенія лицъ, протекція которыхъ впослѣдствіи могла пригодиться, добивались всѣми способами, не выключая и раздѣленія порочныхъ наклонностей. Въ еще большей степени, конечно, развращали цѣлыя управленія и вѣдомства, стоявшіе во главѣ ихъ безотвѣтственные родственники царя, но объ этомъ намъ придется говорить далѣе.

Итакъ, одни пьянствовали, другіе развратничали, третьи совмѣщали и то и другое, а всѣ вообще бездѣльничали.

Среди выдающихся алкоголиковъ тогдашней арміи слѣдуетъ поставить и великаго князя Николая Николаевича (младшаго), командира лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, гдѣ проходилъ свой кавалерійскій стажъ наслѣдникъ. Микроцефалъ по фигурѣ, охотникъ по влеченію, глупецъ и неисправимый алкоголикъ, великій князь Николай Николаевичъ*), проявлялъ неменьше постоянства

---

*) Великій князь Николай Николаевичъ глава погромщиковъ, работалъ совмѣстно съ Треповымъ, старый алкоголикъ, лихой кавалеристъ от-

въ своей привязанности къ одной царскосельской купчихѣ и даже просилъ у Александра III-го позволенія повѣнчаться съ ней. Царь, отличавшійся, какъ всѣ Романовы, наклонностью острить, сказалъ: „со многими дворами я въ родствѣ, но съ гостиннымъ еще не былъ и не буду“.—У купчихи дѣйствительно была мучная лавка въ Царскосельскомъ дворѣ.

Отказъ государя не огорчилъ лихого гусара и онъ продолжалъ прежнюю жизнь, дѣля ее между своею купчихою, виномъ и полкомъ, который держалъ въ образцовомъ порядкѣ, щеголяя на смотрахъ новыми ментиками солдатъ, подборомъ лошадей и строевыми кунштюками. Главнымъ занятіемъ гусаръ оставалось все таки пьянство. Одинъ изъ нихъ, Ж—въ разсказываетъ удивительныя вещи о службѣ того времени. Пили зачастую цѣлыми днями, допиваясь къ вечеру до галлюцинацій. Иные изъ нихъ становились какъ бы привычными, такъ что и прислуга офицерскаго собранія “клуба“ начинала приспособляться къ странному поведенію господъ. Такъ, нерѣдко великому князю и раздѣлявшимъ съ нимъ компанію гусарамъ начинало казаться, что они не люди уже, а волки. Всѣ раздѣвались тогда донага и выбѣгали на улицу, въ ночные часы въ царскомъ селѣ обычно пустынную. Тамъ садились они на заднія ноги (переднія замѣнялись руками), подымали къ небу свои пьяныя головы и начинали громко выть. Старикъ буфетчикъ зналъ уже, что нужно дѣлать. Онъ выносилъ на крыльцо большую лохань, наливалъ ее водкой или шампанскимъ, и вся стая устремлялась на четвереенькахъ къ тазу, лакала языками вино, визжала и кусалась. Сцены подобнаго рода становились тотчасъ же достояніемъ городской молвы,—въ маленькомъ гарнизонѣ ничего не скроешь,—но никто непредавался напрасному негодованію, ибо нравы царскосельскаго об-

лично знаетъ охотничій спортъ. Дворецъ свой въ Петербургѣ сдалъ подъ „веселый домъ“ за 46.000 рублей въ годъ. Правда, что отецъ его ничего кромѣ долговъ, послѣ себя не оставилъ.

щества немногимъ отличались отъ гусарскаго уровня. Случалось запьянѣвшаго командира снимать и съ крыши его собственнаго дома, тоже обязательно голымъ, гдѣ онъ распѣвалъ серенаду лунѣ или своей купчихѣ, быть можетъ, заливавшейся въ этотъ моментъ слезами и т. д.

Въ такой-то оригинальной обстановкѣ протекали всѣ драгоцѣнные годы молодости наслѣдника, когда всякій, даже рядовой человѣкъ, спѣшитъ забирать изъ школы и жизни побольше знаній и опыта. Никто не вмѣшивался въ распорядокъ его занятій, никто, быть можетъ, не обращалъ на то вниманія, что организмъ Николая Александровича начиналъ уже отравляться алкоголемъ и ядомъ, что тонъ кожи лица желтѣлъ, глаза нехорошо блестѣли и подъ ними образовались уже опухлости, свойственныя привычнымъ алкоголикамъ.

Попутно съ этимъ шли обычныя въ этомъ кругу излишества въ другой сферѣ, но, унаслѣдовавъ отъ отца постоянство привязанностей, Николай довольно долгій періодъ своей молодости провелъ съ балериной Кшесинской, которая, сберегая себя для балета, сберегла будущей императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ и ея супруга, оправдавшаго себя значительнымъ числомъ произведеннаго имъ потомства.

Связь съ полькой, какой была Кшесинская, могла быть опасной, если-бъ въ танцовщицѣ билось сердце тѣхъ патріотокъ, что со временъ раздѣловъ Польши искали роли Юдифи при намѣстникахъ, генералъ-губернаторахъ и другихъ властителяхъ присоединеннаго къ Россіи края. Но случилось такъ, что Кшесинская не смогла вдохнуть въ своего возлюбленнаго и простого расположенія къ родственной народности, и вся послѣдующая политика Николая въ Польшѣ была диктована тупымъ равнодушіемъ и желаніемъ угодить сосѣдямъ а не заботой о культурнѣйшей части своей Имперіи

Послѣ гусарскаго образа жизни наступилъ періодъ нѣкотораго затишья на службѣ въ Преображенскомъ полку. Эта часть гвардіи, ведущая свою исторію отъ

„Потѣшныхъ“ (послѣднее время опять стали заводиться потѣшные полки въ народныхъ школахъ, т. к. Николаю внушили мысль о пользѣ такихъ военныхъ упражненій, якобы поддерживающихъ въ народѣ патріотизмъ) солдатиковъ Петра Великаго, сыграла, особенно въ лицѣ перваго своего батальона, крупную роль въ исторіи русскихъ дворцовыхъ переворотовъ. Но къ описываемой эпохѣ отъ былого значенія остались только небольшія привиллегіи матеріальнаго характера, которыми пользовались офицеры и солдаты перваго батальона, расположеннаго въ сообщавшихся съ Зимнимъ дворцомъ казармахъ. Однако и эти незначительныя отличія вносили свою долю разложенія въ полковую среду, создавая патриціевъ службы и ея плебеевъ. Здѣсь не было иныхъ обычаевъ гусаръ, основанныхъ на ложно понятомъ чувствѣ солидарности и выражавшихся, между прочимъ, въ обязательствѣ ставить свои бланки на всякомъ векселѣ товарища; но зато здѣсь не было и никакого другого суррогата товарищества, а всякій старался дѣлать свою карьеру, пользуясь связями и близостью къ командиру полка, в. к. Сергѣю Александровичу.*)

Этотъ сухой, непріятный человѣкъ, уже тогда вліявшій на молодого племянника, носилъ на своемъ лицѣ рѣзкіе знаки снѣдавшаго его порока, который сдѣлалъ семейную жизнь жены его, Елисаветы Федоровны, невыносимой и привелъ ее, черезъ рядъ увлеченій, естественныхъ въ ея положеній, къ монашеству.

Тонъ, задававшійся полку Сергѣемъ и офицерами перваго батальона, былъ дуренъ, полкъ не пользовался симпатіями ни въ гвардейскомъ корпусѣ, ни въ Петербургѣ. Позднѣе, въ годы революціи, привиллегированное положеніе перваго батальона не помѣшало ему присоединиться къ общимъ безпорядкамъ и привело къ отдачѣ подъ судъ всего его состава и ссылкѣ въ с. Мед-

*) Вел. кн. Сергѣй Александровичъ, ген.-губ. Москвы, жестокій реакціонеръ, развратникъ. Извѣстенъ послѣ ходынки подъ кличкой „Князь Ходынскій“.

вѣдь, Новгородской губерніи. Николай Александровичъ долженъ былъ покарать за нарушеніе дисциплины большую часть своихъ товарищей по батальону. Но это не помѣшало многимъ сдѣлать хорошія карьеры, и среди русскихъ губернаторовъ можно насчитать нѣсколько человѣкъ изъ бывшихъ сослуживцевъ Николая.

Оригинальной и симпатичной чертой его характера, чертой, обнаружившейся именно во время службы въ Преображенскомъ полку, было поощреніе браковъ офицеровъ на женщинахъ, ранѣе скомпрометированныхъ. Заботы объ ихъ карьерѣ, такъ какъ полковое общество исключало ихъ изъ своей среды,—Николай бралъ на себя. Дальше другихъ пошелъ Нейдгардтъ*), въ свое время отличившійся въ Одессѣ, какъ провокаторъ еврейскаго погрома. Отданный подъ судъ ревизоромъ-сенаторомъ Кузьминскимъ, онъ былъ оправданъ сенатомъ, въ то время открыто принесшимъ юстицію въ жертву политикѣ. Позднѣе, уже самъ въ качествѣ сенатора, Нейдгардтъ ревизовалъ интендантство въ Царствѣ Польскомъ. Были и другіе, подобные же случаи покровительства Николая офицерамъ, дѣлавшемъ, съ точки зрѣнія общества messalliances'ы и это обѣщало въ самомъ наслѣдникѣ развиться чертамъ добраго семьянина и отца, что вскорѣ и оправдалось.

Такъ проходили годы, гдѣ, подъ кровомъ реакціонной тишины, зрѣли, съ одной стороны, новыя общественныя настроенія, съ другой—перемѣны чисто внѣшнія. Александръ обреченъ былъ скорой смерти, Николай—бурному царствованію. Но никто не готовился къ этой смѣнѣ правителей, такъ долго и искусно скрывалъ царь точившую его болѣзнь, и такъ былъ безпеченъ наслѣдникъ, продолжавшій маршировать и скакать, вмѣсто того, чтобы углублятъся въ сложныя проблемы внут-

*) Сенаторъ Д. Б. Нейдгардтъ, бывшій Одесскій градоначальникъ устроитель октябрьскаго одесскаго погрома (300 чел. убитыхъ). Въ 1910-11 г.г. производилъ ревизію, привлекъ къ суду мелкихъ воровъ, а крупные прекратили и самую ревизію. Бывшій преображенскій офицеръ, выдвинутъ Николаемъ послѣ вынужденнаго выхода изъ полка.

ренней и внѣшней политики. За него должны были дѣлать это чиновники, но вѣдь и они привыкли къ беззвучной смѣнѣ дней государственной жизни.

Въ свое время она и застала врасплохъ обѣ стороны, и молодого царя, и правительство.

ГЛАВА VII.

Болѣзнь Александра III-го.—Захарьинъ.—Янышевъ.—Иванъ Кронштадтскій. Ливадія.—Кухарка.—Агонія.—Подписаніе манифеста о восшествіи на престолъ при жизни императора.—Отказъ отъ престола и женитьбы.—Смерть Александра.—Итоги его царствованія.

Скромный въ своихъ привычкахъ, конфузливый въ бесѣдѣ съ посторонними, ласковый съ дѣтьми и очень простой въ обращеніи съ такими близкими людьми, каким были Mr. Heath Александръ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто не любитъ думать о своемъ здоровьѣ, скрывая по возможности всякое недомоганіе. Благодаря этому, нефритъ почекъ могъ развиваться довольно долго, прежде чѣмъ худоба обычно тучнаго царя сдѣлалась замѣтной и вызвала заботы и тревогу окружающихъ. Такимъ образомъ, знаменитому московскому діагносту, профессору Захарьину, оставалось только, послѣ того какъ его впервые позвали къ больному, опредѣлить безнадежность положенія и указать приблизительный срокъ, отдѣлявшій Александра отъ гроба.

Этотъ періодъ царь провелъ на ногахъ, не нарушая порядка своихъ занятій, выѣзжая даже на парадахъ верхомъ на небольшой, но крѣпкой и покойной лошади. Вскорѣ, однако, пришлось увести его на югъ, и вся семья поселилась въ Крыму, въ Ливадіи. Отсюда императору уже не суждено было выѣхать, и такъ какъ нефритъ равнодушенъ къ солнцу, озону и къ чему бы то ни было, то силы царя замѣтно убывали. Въ такомъ положеніи онъ впервые позволилъ себѣ сказать, что дворцовая кухня никогда ему не нравилась, и просилъ, чтобъ ему готовила обѣдъ простая кухарка. И послѣд-

ніе дни жизни русскаго самодержца были облегчены не сознаніемъ исполненнаго по отношенію къ народу долга, не спокойствіемъ за судьбу своего наслѣдника, а нехитрыми русскими блюдами, сдѣланными руками бабы, быть можетъ, помнившей еще времена рабства.

Длительная агонія должна была разбить нервы всѣхъ окружающихъ царя. Да и въ обществѣ и народѣ тяжелая болѣзнь еще не стараго Александра возбуждала сожалѣнія чисто гуманнаго характера. Къ тому же необычайно было для русскихъ терять монарха въ такой патріархальной обстановкѣ. Они привыкли къ насильственнымъ смертямъ царей, и къ дворцовымъ переворотамъ, къ таинственности, всегда окружавшей послѣднія минуты самодержцевъ. Все это вносило нѣкоторую элегичность въ сужденія и настроенія подданныхъ, и даже явленія революціоннаго характера какъ то сами собой прекратились на время царской агоніи.

Во дворцѣ должны были происходить тягостныя сцены. Возлѣ умиравшаго продолжали бороться разныя вліянія, въ томъ числѣ и религіозныя. Придворный духовникъ Янышевъ, ненавидѣлъ и боялся извѣстнаго Ивана Кронштадтскаго, и оба отбивали другъ у друга честь напутствованія Александра въ лучшій міръ. Одинъ утѣшалъ тихими рѣчами на божественныя темы и пользовался своими придворными навыками. Другой старался поразить изступленными выкриками, возложеніемъ рукъ на голову больного, пріемами ловкаго шамана. Въ концѣ концовъ вліяніе Ивана какъ бы возобладало, и послѣ смерти царя между обоими попами возникла недостойная ихъ сановъ, но характерная полемика въ печати, гдѣ они отбивали одинъ у другого роль, быть можетъ, казавшуюся имъ очень важной.

Наряду съ молитвословіями шли и драматическіе разговоры съ сыновьями. Утверждали, что Николай одно время упорно отказывался отъ престола, какъ бы предвидя его терніи. Но такъ какъ Георгій присутствовалъ при отцовской агоніи самъ уже умирающимъ, а Миша былъ малъ и регентство Владиміра не улыбалось отходившему

въ вѣчность царю, то Николаю пришлось не только согласиться, но и подписать при жизни отца манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ. Какого ни быть мнѣнія объ институтѣ монархической власти или семьѣ тогдашняго царя, трагизмъ этой сцены понятенъ и долженъ былъ потрясти всѣхъ ея свидѣтелей, а особливо воображеніе Николая. Словно нарочно, жизнь дарила его ударами, которые должны были такъ или иначе отразиться и на будущемъ управленіи имперіей.

20-го октября 1894 г. Александръ умеръ, сидя въ креслѣ и въ полномъ сознаніи. Тринадцатилѣтнее его царствованіе навсегда останется связаннымъ съ представленіемъ объ одномъ изъ самыхъ реакціонныхъ періодовъ русской исторіи. Но такъ какъ, съ одной стороны, періодъ совпалъ съ начинавшимся расцвѣтомъ имперіализма во всѣхъ почти государствахъ Европы, за которыми, въ началѣ XX-го вѣка, послѣдовала даже и великая сѣверо-американская республика, а съ другой, какъ мы указывали,—онъ опирался на сочувствіе нѣкоторыхъ круговъ населенія раздраженнаго убійствомъ Александра II-го, то оцѣнить въ полной мѣрѣ его реакціонность современники едва ли могли.

Правда, во главѣ правительства стояли такіе ярые реакціонеры, какъ гр. Д. А. Толстой, успѣвшій наложить свою руку на три огромныхъ и важнѣйшихъ вѣдомства: духовное, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ; какъ П. Ванновскій, обратившій военное министерство въ сухую канцелярію, а самую службу въ постылое ремесло; какъ И. Дурново, стремившійся во всемъ подражать своему предшественнику Толстому и подарившій Россію институтомъ земскихъ начальниковъ и земскимъ положеніемъ 1890 г., которое ввело въ органы самоуправленія аграрное большинство.

Да и вообще вся дѣятельность правительства Александра III-го, поскольку была активна, носила разрушительный характеръ. И если нельзя было воспретить восхваленія царствованія Александра II-го въ пе-

чати и рѣчахъ, то они во всякомъ случаѣ считались признаками недопустимаго либерализма.

Такимъ образомъ, всѣ отрасли внутренней жизни подверглись измѣненію въ сторону регресса: школа, печать, армія, чиновничество,—все должно было или служить цѣлямъ реакціи, или молчать, какъ бы не существовать. Административный гнетъ, подъ вліяніемъ такихъ опытныхъ людей, какъ Плеве, звѣзда котораго тогда восходила, или П. Дурново, принималъ планомѣрность, ранѣе ему несвойственную.

Что сѣмена реакціи, обильно разсѣявшіяся по всей странѣ, должны были дать революціонный урожай, объ этомъ не задумывались; и отецъ ея, гр. Д. Толстой, на такое именно замѣчаніе отвѣтилъ съ цинизмомъ, столь характернымъ для абсолютизма: „Знаю. Да лишь бы на нашъ вѣкъ хватило". Расчетъ министра оправдался, реакціи хватило почти на четверть вѣка. Но, такъ какъ, благодаря ряду ловкихъ финансистовъ, а особенно Вышнеградскому и Витте, рессурсы государства, послѣ войны 77-78 г.г. бывшіе въ самомъ плачевномъ состояніи, не только оправились, а стали просто хороши, то престижъ Россіи заграницей неминуемо долженъ былъ возрости. Это обстоятельство упрочивало внѣшнее спокойствіе, позволяло не увеличивать кредитовъ на вооруженіе и заняться внутренними реформами. Благопріятная конъюктюра не была, однако, использована. Армія почила на лаврахъ, ослабѣла и постепенно погружалась въ гарнизонную дремоту, изъ которой ее вывели только японскія пушки. Реакціонныя реформы не могли не привиться въ оправившемся, а отчасти и забывшемъ эпоху Александра II-го, обществѣ. Иностранные капиталы, искусно привлеченные С. Витте, пошли въ грюндерскія предпріятія, а не на подъемъ производительныхъ силъ. Новыя желѣзныя дороги строились или безъ расчета, или изъ стратегическихъ видовъ и глохли, давая ужасающіе дефициты. Словомъ, повсюду заводилась своего рода государственная паутина, такъ что ко дню вступленія на престолъ Николая Россія представлялась

настоящимъ заколдованнымъ и запустѣвшимъ царствомъ. Новому правителю предстояла завидная задача вдохнуть въ него новую жизнь. Но уже изъ краткаго обозрѣнія условій дѣтства и юности этого человѣка мы входимъ подготовленными къ тѣмъ его поступкамъ, которые тогда, въ 1894 г., многимъ казались неожиданными, которые, однако, довольно быстро должны были привести страну къ революціи.

ГЛАВА VIII.

Похороны Александра III-го. Безпорядочность процессіи. Бѣлый и черный рыцари. Неорганизованность либеральныхъ круговъ.

Впервые послѣ смерти императора Александра I-го царское тѣло должно было пропутешествовать въ траурномъ вагонѣ черезъ всю Россію. Это затягивало похороны, удлиняло періодъ обычной въ такихъ случаяхъ заминки всѣхъ государственныхъ отправленій, но за то позволяло придать церемоніи особенно торжественный характеръ, муссируя выраженія народной печали.

Въ скверную, чисто петербургскую погоду, по улицамъ, заполненнымъ войсками, за которыми толпился народъ, гробъ Александра III-го былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ мертвые цари раздѣляютъ общество съ живыми революціонерами.

Сложный ритуалъ перевезенія не былъ выполненъ съ достаточной отчетливостью. Явная безпорядочность процессіи поразила тогда всѣхъ ея свидѣтелей. Никто не зналъ своихъ мѣстъ. Депутаціи перепутались, подъ конецъ разбрелись кто-куда. Въ группахъ духовенства, придворныхъ лакеевъ, чиновниковъ, генераловъ, всюду слышались громкіе разговоры; перекидывались поклонами и замѣчаніями со знакомыми, занимавшими балконы и окна, весело смѣялись чьимъ нибудь шуткамъ. Николай понуро брелъ за пышной колесницей, не глядя по сторонамъ, и производилъ впечатлѣніе самаго не-

замѣтнаго изъ всей толпы царедворцовъ и великихъ князей человѣка. Далеко, впереди гроба мѣсили осеннюю грязь два мясника, одѣтые одинъ въ бѣлыя, другой въ черныя рыцарскія латы символизировавшія печаль о смерти царя и радость о новомъ. Но такъ какъ никто не присматривалъ за этими господами, то они окончили тѣмъ, что мирно потащились рядомъ, символизируя весьма наглядно тотъ хаосъ который долженъ былъ водвориться въ управленіи.

На бѣду, смѣна царей заставала общество совершенно неорганизованнымъ, а потому и неспособнымъ выступить въ качествѣ активнаго элемента жизни. Эта роль оставалась, по старому, за чиновничествомъ, а либеральные круги были раздроблены и не имѣли между собой живой связи. Въ каждомъ классѣ и сословіи можно было насчитать не мало видныхъ дѣятелей, возлѣ которыхъ могла бы объединиться прогрессивная часть населенія. Но они такъ привыкли за царствованіе Александра къ одиночеству, такъ оберегали свой личный покой, что нельзя было ожидать ихъ выступленія. Эту обязанность могли принять на себя органы самоуправленія и, дѣйствительно на пріемѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, одно изъ земствъ и отличилось въ этомъ отношеніи. Но починъ оказался во всѣхъ смыслахъ неудачнымъ.

Что касается до революціонныхъ партій, то партія „Народной Воли" въ лицѣ ея активныхъ героевъ, была почти разгромлена, а избѣгнувшіе висѣлицы и подземныхъ казематовъ Шлиссельбурга частью вели теоретическую борьбу съ нарождавшимися тогда новыми революціонными партіями, частью же подготовляли отдѣльные террористическіе акты, сами уже основательно разъѣдаемые провокаціей и шпіонажемъ.

Такимъ образомъ, въ трудную минуту вступленія на престолъ, молодой царь оставался снова въ такомъ же кругу сверстниковъ-офицеровъ, въ большинствѣ получавшихъ флигель-адъютантское званіе, и заскорузлыхъ бюрократовъ. Побѣдоносцевъ снова готовился стать между всякой попыткой воздѣйствовать на Николая

со стороны прогрессистовъ и тѣмъ принципомъ самодержавія, въ который онъ привыкъ вкладывать совершенно ясное содержаніе, противопоставляя его учрежденіямъ „гнилого“ запада.

ГЛАВА IX.

Бракъ съ Алисой Гессенской. Шутки по ея адресу. Впечатлѣніе перваго ея пріѣзда. Бѣдность. Свадьба. Надежды на новое царствованіе. Чиновничій абсолютизмъ не умираетъ. Безсиліе царей. Организованность бюрократіи. Перестроеніе рядовъ камарильи. Старые генералъ-адъютанты по немногу отстраняются. Свита при трехъ послѣднихъ императорахъ. Ея деградація, умственная и моральная. Личныя симпатіи Николая. Дурное общество замыкаетъ его отъ жизни.

Николай женился позднѣе принятаго для престолонаслѣдниковъ возраста. Ему было двадцать шесть лѣтъ, когда, при исключительной обстановкѣ, чуть не на другой день послѣ похоронъ отца, онъ повелъ къ вѣнцу свою невѣсту, гессенъ-дармштадскую принцессу Алису. Алиса не была незнакомой для Россіи. За нѣсколько лѣтъ до того ее привозилъ къ русскому двору отецъ, великій герцогъ, уже имѣвшій здѣсь зятя въ лицѣ в. к. Сергѣя, женатаго на старшей сестрѣ Алисы. Но не смотря на внѣшнюю красоту, претендентка на руку Николая не имѣла успѣха. Старой императрицѣ не понравилась холодность и замкнутость Алисы: Николай быть можетъ, сравнивалъ мысленно эти качества съ открытымъ, живымъ нравомъ своей балерины.

И такъ какъ Марія Федоровна, какъ настоящая буржуазная мать, въ семейныхъ вопросахъ имѣла всегда перевѣсъ надъ соображеніями мужа, то безъ особыхъ протестовъ со стороны послѣдняго, сватовство разстроилось, и Алиса „гессенская муха“, какъ ее немедленно прозвали въ Петербургѣ, отбыла въ родной Дармштадтъ, гдѣ владѣтельный домъ ея родителей не пользовался хорошей славой. Всѣ дѣти герцога обладали страннымъ

нравомъ, рѣзко отличавшимъ ихъ отъ многочисленной нѣмецкой родни.

Несомнѣнно, что молчаливая Алиса должна была затаить въ своемъ сердцѣ обиду на Николая и его мать, и тѣмъ большее торжество должно было доставить ей оффиціальное предложеніе, сдѣланное незадолго до смерти Александра III-го. Несмотря на то, что въ такомъ предложеніи заключалась доля горечи, словно Алису брали за неимѣніемъ лучшихъ невѣстъ, раздумывать было некогда. Выборъ между безвѣстностью и нищенскимъ режимомъ какого нибудь захудалаго германскаго княжества и милліонами и блескомъ, гарантированными, пока что, русской императрицѣ, былъ нетруденъ, и принцесса, съ небольшой свитой и скуднымъ багажемъ, вторично вступила на русскую почву, не ставшую ей, впрочемъ, никогда родной.

„Посреди скорбнаго испытанія, говорится въ манифестѣ 21-го октября 1894 г., которое всѣмъ намъ послано по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, вѣруемъ со всѣмъ народомъ нашимъ, что душа возлюбленнаго родителя нашего въ селеніяхъ небесныхъ благословила избранную по сердцу Его и нашему раздѣлять съ нами вѣрующею и любящею душою непрестанныя заботы о благѣ и преуспѣяніи нашего отечества“.

Этимъ казеннымъ и не вполнѣ грамотнымъ пожеланіямъ не было сужцено оправдаться даже въ слабой степени. Но встрѣчали Алису ласково, такая была минута смягченія обычнаго равнодушія къ семейнымъ дѣламъ царей.

Традиціонныя торжества, сопровождающія сватовство и браки царей были отмѣнены по случаю траура, и эта скромная торопливость еще болѣе располагала къ Николаю общественные круги, почему то возлагавшіе на него свои прогрессивныя надежды: народъ же бурно привѣтствовалъ его 14-го ноября. Эти наивныя упованія на всякое новое царствованіе характерны для Россіи, но имѣютъ не больше основаній, нежели всегдашнія пожеланія новогодняго счастія. Какъ первое января при-

носитъ съ собою лишь новую календарную дату и прежнія заботы, болѣзни и горе, такъ и новый царь, какъ личность, скромно занимаетъ свое мѣсто въ тѣхъ же календаряхъ и молитвахъ поповъ, предоставляя неумирающему чиновничеству приносить народу прежній гнетъ, извлекать изъ него деньги и солдатъ для своего поддержанія.

Рабъ окружающей его среды, самодержецъ безсиленъ сдѣлать хотя бы одинъ шагъ безъ спроса нянекъ-совѣтниковъ, осуществляющихъ привиллегію никѣмъ и никогда имъ не данную. А за ними плотной стѣной стоитъ великое русское чиновничество, вѣковая организація котораго спаяла его сверху до низу такъ, что довольно тронуть полицейскаго солдата, чтобы послѣдовалъ рѣзкій рефлексъ съ самаго верха правленія. Изъ этой цѣпи нельзя было безъ революціоннаго подъема вырвать ни одного звена, но то, что казалось ей самой негоднымъ, она сбрасывала, какъ змѣя чешую, безъ боли и шума.

Новое царствованіе сказывалось только на камарильѣ. По большей части, съ царемъ вступала во власть и сопровождавшая его въ юности кампанія, проводившая къ вліянію своихъ людей. Старые стушевывались, коротая время въ воспоминаніяхъ и злой критикѣ своихъ замѣстителей. По свитѣ можно было дѣлать нѣкоторыя заключенія и о самомъ царѣ. Такъ около Александра II-го стояли красивые рослые нѣмцы и русскіе, совмѣшавшіе любовныя похожденія съ прогрессивными взглядами. Высокая личная честность была ихъ общей чертой: и хотя жизнь Александра II-го ознаменовалась побѣдой реакціонеровъ, друзья его ни на минуту не выпускали изъ рукъ своего умѣряющаго вліянія, ведя его къ признанію необходимости либеральной реформы.

Александръ III приблизилъ къ себѣ такихъ же простыхъ, грубоватыхъ, какъ и онъ, не особенно знатныхъ и богатыхъ людей. Общество ихъ было ему пріятно, но никакого вліянія такіе офицеры, какъ Черевинъ, Рихтеръ, Ванновскій и т. п. не могли имѣть, да и не

стремились къ нему. Поэтому свободное мѣсто и заняли немедленно чиновники типа гр. Д. А. Толстого. Что касается до старыхъ свитскихъ генераловъ, то они сами отстранились отъ Двора, такъ же, какъ впослѣдствіи немногіе друзья Александра III отстранились отъ общества, окружившаго Николая Александровича.

Свита новаго царя замѣтно измѣнилась къ худшему. Неопытность императора, его желаніе быть пріятнымъ его товарищамъ юности, такимъ же неопытнымъ людямъ, сдѣлали то, что ко Двору и свитѣ вскорѣ начали находить доступъ не только сомнительные, но и просто безчестные типы. Мало того, царь неостанавливался впослѣдствіи и передъ реабилитаціей такихъ лицъ, которыя были удалены его отцомъ за дѣла чисто уголовнаго характера. Изъ нихъ можно назвать хотя бы Фонъ-Валя*), бывшаго петербургскаго градоначальника Петра Дурново, извѣстнаго подъ кличкой „Бразильскаго“ за кражу документовъ изъ стола бразильскаго посланника, Фонъ-Клейгельса**), также градоначальника Петербурга, о которомъ было уже закончено слѣдствіе, какъ о ворѣ. Когда старѣйшій генералъ-адъютантъ, Чертковъ, выразилъ Николаю печаль свиты, въ ряды которой поступали такіе ошельмованные господа, царь очень сухо замѣтилъ Черткову о не вмѣшательствѣ въ его личныя назначенія. Порядочнымъ членамъ свиты остава-

*) Фонъ-Валь, бывшій градоначальникъ, выгнанъ за воровство. Николай тѣмъ не менѣе взялъ его въ свиту, сдѣлалъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, казнилъ изъ за него еврея Лекерта промахнувшагося въ генерала.

**) Фонъ-Клейгельсъ, любимый ген.-адъютантъ Николая. О воровствѣ Клейгельса было закончено при министрѣ юстиціи Муравьевѣ слѣдствіе, но оставлено безъ движенія. Не было того темнаго дѣла въ Россіи, гдѣ можно было поживиться чтобы имя К-са не фигурировало тамъ, всегда благополучно ускользая отъ суда. Послѣдній процессъ этого рода-процессъ Вонлярлярскихъ едва не обратилъ К-са изъ свидѣтеля въ подсудимаго, но опять старая лисица ускользнула отъ правосудія.

лось подъ разными предлогами разъѣхаться изъ Петербурга, и возлѣ, трона сгруппировались дѣльцы, вродѣ описанныхъ да свитская молодежь, заранѣе готовая одобрять всякое распоряженіе Николая, лишь бы его расположеніе къ нимъ не остывало.

Многихъ тогда интересовало, почему не выступили на защиту монарха отъ натиска негодныхъ отбросовъ общества тѣ честные и умные люди, которые, находясь еще въ полномъ разсцвѣтѣ силъ, держались далеко отъ придворныхъ сферъ и не были лично заинтересованы близостью съ царемъ. Такихъ людей въ одномъ Петербургѣ было не мало. Но очевидно, что бюрократическія традиціи оказывались сильнѣе склонности къ какой бы то ни было случайной организаціи и такіе дѣятели, какъ А. О. Кони, Таганцевъ и др.. предпочитали въ своемъ кругу критиковать новое царствованіе вмѣсто того, чтобы, соединившись, выработать извѣстную программу и лично изложить ее Николаю, готовясь, въ случаѣ неуспѣха, хотя бы къ полной отставкѣ. Въ ихъ рукахъ были, при томъ, средства подкрѣпить свой совѣтъ и практическими предостереженіями.

Но событія продолжали развиваться во все время царствованія Николая въ томъ направленіи, куда влекли царя его наклонности, бросавшіе его отъ одного промаха, одной безтактности къ другимъ, все худшимъ и болѣе громкимъ.

Такой безтактностью ознаменовалось и первое публичное выступленіе Николая.

ГЛАВА X.

Пріемъ депутацій.—Тверскіе земцы.—Роль Твери въ исторіи освободительнаго движенія. „Скандалъ съ Тверскимъ людомъ.—Рѣчь изъ шапки. —Безмысленныя мечтанія.—Общія впечатлѣнія въ обществѣ и народѣ.—Роль Побѣдоносцева.

Какъ уже упоминалось органы мѣстнаго самоуправленія одни оказались въ это трудное время на высотѣ

положенія. Въ рядѣ адресовъ, обращенныхъ къ Николаю за два первые мѣсяца его царствованія почти всѣ земства высказались о неотложности коренныхъ реформъ во всемъ строѣ русской жизни.

Но ни одно изъ нихъ не заикнулось о формѣ правленія, не упомянуло о полномъ народномъ представительствѣ, ни, тѣмъ болѣе, объ учредительномъ собраніи. Тѣмъ не менѣе выступленія эти возбудили живѣйшую тревогу въ чиновничествѣ, противъ котораго они и были отчасти направлены и послѣднее не замедлило принять соотвѣтствующія мѣры. Къ 17 Января 1895 г., когда долженъ былъ состояться пріемъ Николаемъ депутацій отъ дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ, царь былъ вполнѣ убѣжденъ, что на его власть готовится покушеніе какими то крамольниками, самозванно рѣшившими говорить отъ имени всего русскаго народа.

Всѣ собрались въ большой залъ Аничковскаго Дворца.

Повсюду въ Европѣ государи произносятъ отвѣтственныя рѣчи или тосты, читая ихъ. Къ словамъ этимъ прислушивается весь міръ, и они являются обычно плодомъ расчетовъ и соображеній умнѣйшихъ государственныхъ людей. Но въ Россіи, гдѣ божественный промыселъ призванъ оберегать царя отъ всякихъ ошибокъ, считалось, вплоть до созыва первой Думы, какъ бы непристойнымъ, если новый царь возметъ въ руки листъ бумаги и прочтетъ рѣчь, не имъ лично написанную. И такъ какъ Божья милость существовала лишь въ видѣ презумпціи, а на дѣлѣ не вступалась даже въ случаяхъ, угрожавшихъ опасностью царской жизни, то предусмотрительные царедворцы вложили въ круглую барашковую шапку—измышленіе Александра III-го, увѣковѣченное скульпторомъ кн. П. Трубецкимъ, въ его памятникѣ царю,—вложили въ шапку, говоримъ мы, текстъ предстоявшей рѣчи.

Естественное стѣсненіе, которое долженъ былъ ощущать Николай въ виду тысячной толпы делегатовъ,

повышенное настроеніе, диктовавшееся моментомъ, все это заставляло его волноваться. Въ этомъ волненіи перепутать отдѣльныя слова не представлялось важнымъ промахомъ, и царь торжественно провозгласилъ фразы ставшія потомъ нарицательными.

Онъ говорилъ, между прочимъ:

„Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся *безсмысленными* мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ силы свои благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель“.

Увѣряли, что въ текстѣ стояло слово „несбыточными“, но какъ бы тамъ ни было, оно послужило началомъ не только всеобщаго охлажденія къ Николаю, но заложило фундаментъ будущаго освободительнаго движенія, сплотивъ земскихъ дѣятелей и внушивъ имъ болѣе рѣшительный образъ дѣйствій. „Промыслу“ угодно было доказать, ровно черезъ десять лѣтъ, что въ пожеланіяхъ земствъ не было ни мечтаній, ни, тѣмъ болѣе, безсмысленности. Былъ умѣренный, внушенный житейскимъ опытомъ и непредубѣжденностью, взглядъ практическихъ дѣятелей, и онъ оправдался въ учрежденіи Государственной Думы.

Впрочемъ, Николаю пришлось испить много горечи изъ того же сосуда,—постоянно мѣняя свои слова и отказываясь отъ исполненія обѣщаній.

Напрасно также было бы думать, что сорвавшійся на пріемѣ lapsus lingae могъ сколько нибудь огорчить царя. Въ то время, когда онъ собирался читать свою рѣчь, его резолюція на адресѣ тверского земства была извѣстна и служила темой столичныхъ пересудовъ. Тогда уже сказывалась въ этихъ отмѣткахъ Николая склонность замѣнять силою выраженій мотивировку своего мнѣнія. Ниже мы подробнѣе остановимся на сло-

хъ и писаніяхъ царя. На тверскомъ же адресѣ кра-
валось: „Крайне недоволенъ выходкой 36-ти гласныхъ“.

Царь былъ въ правѣ выражать неудовольствіе
мъ то ни было, но фраза о предводителяхъ обнару-
вала полное незнаніе конструкціи земскихъ собраній
роли предводителей дворянства въ уѣздахъ.

Гораздо позднѣе, когда ему пришлось согласиться
возвращеніе тверскому земству отнятыхъ правъ и
ятелей, министру внутреннихъ дѣлъ, кн. Святополку
ирскому, довелось убѣдиться въ томъ, что за десять
ть царствованія Николай не научился отличать зем-
ой управы отъ земскаго собранія и во всякомъ земцѣ
прежнему видѣлъ личнаго врага, подкапывающагося
дъ его самодержавіе.

Тверь издавна славилась прогрессивностью своихъ
режденій самоуправленія, унаслѣдовавшихъ традиціи
ятелей эпохи освобожденія крестьянъ. Составъ же ея
бернскаго собранія отличался исключительнымъ оби-
емъ умственныхъ и интеллигентныхъ силъ, вслѣдствіе
го и къ высказываемымъ ими мнѣніямъ прислушива-
сь съ равнымъ вниманіемъ въ чиновничьихъ и зем-
ихъ сферахъ Россіи.

По той же причинѣ рѣшено было на будирующей
Твери показать силу верховной власти, уязвленной въ
самолюбіи, и рядъ репрессій обрушился на злополуч-
ныхъ авторовъ и попустителей тверского адреса. Пред-
одителямъ дворянства былъ объявленъ высочайшій вы-
оворъ, который черезъ годъ пришлось снять, такъ
акъ безсмысленность его стала черезчуръ очевидной.
Тѣ изъ гласныхъ собранія, что состояли на государствен-
ой службѣ, были почти всѣ уволены, невзирая на чи-
ы. Нѣкоторые, какъ Врасскій (членъ крестьянскаго
анка), отказывались подавать въ отставку; ихъ при-
ислили къ министерству, причемъ жалованья не пола-
алось. Между прочимъ, Врасскій написалъ потомъ, по
овѣту гр. Витте, царю покаянное письмо, былъ воз-
ращенъ на службу и ко времени роспуска первой Го-
ударственной Думы сдѣлался вполнѣ основательнымъ

реакціонеромъ. Тотъ же Витте уволилъ въ отставк П. А. Корсакова, управляющаго петербургской казен ной палатой. Въ административномъ порядкѣ лишен былъ политическихъ правъ извѣстный тверской земец Ѳ. И. Родичевъ, впослѣдствіи членъ парламента, сни кавшій европейскую славу, какъ ораторъ и обличител стараго русскаго строя. Наконецъ вся выборная зем ская управа была неутверждена въ должностяхъ. И з все десятилѣтіе, отдѣлявшее Тверь отъ революціонн эры, она продолжала привлекать къ себѣ подозритель ное и злобное вниманіе Петербурга, не стѣснявшагос именемъ царя громить ея самоуправленіе, ссылать н въ чемъ не обвинявшихся лицъ, назначать въ управы своих чиновниковъ, а губернаторами сажать самыхъ ярых реакціонеровъ и на все готовыхъ невѣждъ.

Чтобы закончить печальную повѣсть тверитянъ упомянемъ, со словъ очевидца, о досадномъ случаѣ с тверской депутаціей на томъ же пріемѣ 17-го Январ Делегатъ, державшій массивное блюдо, на которомъ покоился традиціонный каравай чернаго хлѣба съ вр занной въ него золотой солонкой, выпустилъ подноше ніе изъ рукъ въ моментъ передачи царю, и блюдо по катилось ребромъ по скользкому дворцовому паркет Николай инстиктивно бросился его поднимать. Сол просыпалась къ ногамъ царя, хлѣбъ опрокинулся. Зна токи примѣтъ могли прочесть цѣлую лекцію о буду щей судьбѣ Твери и самого Николая; мы не послѣду емъ за ними.

Иниціаторомъ бюрократическихъ козней против земства считали Побѣдоносцева, которому Никола продолжалъ вѣрить всю жизнь, и который могъ, таким образомъ, принести народу столько зла, сколько ско пила его умная, инквизиторская голова. Подъ старость когда параличъ сдѣлалъ Побѣдоносцева почти неспо собнымъ къ членораздѣльной рѣчи, и когда ему всюду мерещились бомбы террористовъ, онъ все еще продол жалъ нашептывать беззубымъ ртомъ своимъ дрянны слова, подсказывать Николаю рѣшенія, которыя должны

были плачевно отражаться на самомъ царѣ. Въ лицѣ этого достойнаго члена касты духовенства, выбравшагося въ самый верхъ правленія имперіей, послѣдняя имѣла своего рода злого генія, раздѣляя въ этомъ отношеніи участь династіи Романовыхъ и даже самого православія, которыя рѣзко упали въ глазахъ народа за полстолѣтіе, отдѣляющее его отъ эпохи севастопольскаго разгрома и реформъ царя-освободителя.

Мнѣніе это складывалось въ населеніи, конечно, не сразу. Въ 1895 г. напримѣръ пріемъ во дворцѣ и участь тверскаго земства комментировались лишь, какъ показатели „безсмысленности мечтаній“ о прогрессизмѣ Николая, о его умѣ и способностяхъ разбираться въ событіяхъ и людяхъ. Впослѣдствіи къ этимъ наблюденіямъ надъ духовнымъ обликомъ царя прибавились еще черты жестокости, сухости сердца, и рядомъ съ ними, какъ странные психическіе контрасты, дѣтская наивность, вѣра въ обряды, чудеса, спиритическія предсказанія.

Во всякомъ случаѣ, выступленіе 17-го января 1895 года можно считать первымъ шагомъ Николая по наклонной плоскости, по которой онъ продолжаетъ катиться и доселѣ, все ниже и ниже спускаясь въ мнѣніи и своихъ поданныхъ и всего цивилизованнаго міра.

Глава XI.

Министры и приближенные.—Горемыкинъ, И. Дурново, Куропаткинъ, Ванновскій, Побѣдоносцевъ.—Его роль въ синодѣ.—Случай съ митрополитомъ Іоанникіемъ.—Витте.—Ермоловъ.—Гр. Муравьевъ, Боголѣповъ, Т. И. Филипповъ.—Фонъ—Валь, Клейгельсъ—Украденный пароходъ.—Н. В. Муравьевъ.—Генералы свиты и гвардіи.

Несмотря на органическую неспособность Александра III-го выбирать людей, нужныхъ государству, онъ все же разбирался хотя бы въ элементарныхъ человѣческихъ свойствахъ,—честности, прямодушіи, лукавствѣ. И когда убѣждался въ ошибкахъ своихъ,—отъ

которыхъ никто не застрахованъ, а цари тѣмъ болѣе,—то безъ пощады гналъ провинившагося.

Такъ на докладѣ объ исторіи съ П. Н Дурново*) извѣстнаго больше подъ кличкой „Петрушки“ царь написалъ:

„Убрать этого негодяя въ двадцать четыре часа“.

Но когда старые реакціонеры сошли со сцены вмѣстѣ со своимъ царемъ, на ихъ мѣста уже не нашлось сколько нибудь способныхъ кандидатовъ, такъ как тринадцать лѣтъ чиновничьяго засилья должны были воспитать новое поколѣніе бюрократовъ, знавшихъ дѣйствительную жизнь только изъ канцелярскихъ бумагъ, а не по опыту.

Это обстоятельство, въ связи съ ясно выраженнымъ безразличіемъ молодого царя къ судьбамъ государства, открывало доступъ въ министерство случайнымъ людямъ, интересы которыхъ не шли дальше окладовъ содержанія и знаковъ отличія.

Разумѣется, что для нихъ всѣхъ средства были хороши для укрѣпленія прочности своего положенія, а въ числѣ послѣднихъ извращеніе истины всегда занимало первое мѣсто. Поэтому отъ царя скрывали не только непріятную или невыгодную правду, но и открыто лгали, что продолжается еще болѣе открыто нынѣ. Даже тѣ министры, что оставались отъ прежняго царствованія, приспособлялись къ новымъ уверткамъ, чтобы морочить Николая, первое время дарившаго ихъ полнымъ довѣріемъ. Потомъ утративъ довѣріе къ кому бы то ни было, онъ все же не научился различать людей и замкнулся безповоротно въ комнатѣ своихъ ребятъ.

Ивана Дурново**) смѣнилъ на посту министра внут

---

*) Кража документовъ изъ стола бразильскаго посланника.

**) П. Н. Дурново, бывшій предсѣдатель комитета министровъ вышелъ въ люди изъ подпоручиковъ арміи; безъ образованія, ума и способностей; креатура гр. Д. Толстого, не терпѣвшаго возлѣ себя талантливыхъ людей. По письму кн. Мещерскаго Николай II назначилъ Дурново министромъ внутреннихъ дѣлъ. Впослѣдствіи Дурново, за погашеніе векселя въ 200.000 рублей, должныхъ имъ А. Н. Кривошейну вытащил

еннихъ дѣлъ Горемыкинъ*), считавшійся спеціалистомъ о крестьянскому вопросу, но на дѣлѣ избравшій себѣ ную спеціальность – женщинъ. Онъ открыто потащилъ а собой мужей всѣхъ своихъ пріятельницъ, раздавъ мъ мѣста, соотвѣтственно съ достоинствами каждой зъ нихъ. На докладахъ во дворцѣ этотъ старый жуъ имитировалъ сцены, устраиваемыя ему возлюблеными, когда онѣ сомнѣвались въ прочности своего пооженія, и однажды разыгралъ при царѣ настоящую стерику. Испуганный Николай нѣжно утѣшалъ хитаго министра, гладилъ его руки и такъ надолго былъ бмануть, что еще въ моментъ созванія перваго парлаента не нашелъ лучшаго кандидата въ предсѣдатели овѣта министровъ, какъ этого плаксу. Характерно, что а новомъ мѣстѣ Горемыкинъ смѣнилъ именно Витте, ротивъ котораго и направлены были ручьи его слезъ ъ царскомъ кабинетѣ. Витте въ свое время ссадилъ оремыкина, разсказавъ царю о сношеніяхъ его съ сэомъ Джаксономъ англійскимъ капиталистомъ, поддеркивавшимъ взятками проведеніе петербургскаго метропоитэна (не состоялось).

Старый Ванновскій былъ смѣненъ еще при Алекандрѣ Н. Куропаткинымъ,**) который ловко сберегалъ учи скобелевской славы, на немъ игравшіе, служа въ тдаленныхъ азіатскихъ краяхъ. Бездарность его, столь чевидно сказавшаяся на японской войнѣ заслоня-

---

ослѣдняго въ министры путей сообщенія. Злые языки говорили, что ривошеинъ разорвалъ копіи, а за подлинные заставилъ Дурново прератить о себѣ слѣдствіе.

*) И. Л. Горемыкинъ, первый предсѣдатель совѣта министровъ ри Государственной думѣ, старый жуирь и темный бюрократъ, не считающійся съ принципами После разгона Думы вышелъ въ отставку, не елая утруждать себя какой-бы то ни было работой.

**) Безславный герой пораженія русской арміи; его формула ерпѣніе, терпѣніе и терпѣніе" характерна для русскаго бюрократа въ олдатскомъ мундирѣ также, какъ „глазомѣръ, быстрота и натискъ" для стиннаго солдата Суворова. Составилъ милліонное состояніе; на войнѣ килъ въ дворцовой роскоши, тогда какъ войска были оборваны и голоды. Одинъ изъ самыхъ жалкихъ типовъ чиновничьяго времени.

лась тогда стремленіемъ самому вершить даже самыя мелкія дѣла своего вѣдомства. Но эта черта и свидѣтельствовала объ отсутствіи широкихъ взглядовъ, реформаторскаго размаха и просто талантливости. Онъ сумѣлъ составить себѣ только изрядное состояніе, арміи же предоставилъ идти по тому пути къ рутинѣ и регрессу, на который ее направилъ еще Ванновскій.

Превосходную характеристику его даетъ извѣстный ген. Соболевъ командиръ 6-го арм. корпуса въ своемъ трудѣ „Куропаткинская стратегія“.

Но въ то время, какъ простой неученый солдатъ Ванновскій, неожиданно проявилъ здравые педагогическіе взгляды, будучи назначенъ послѣ разслѣдованія студенческихъ волненій министромъ народнаго просвѣщенія, Куропаткинъ покрылъ себя своей исторіей войны и дрязгами съ Витте, Каульбарсомъ и другими соратниками, еще большимъ позоромъ, чѣмъ самой компаніей, когда дѣйствовали и другія, помимо его бездарности, причины пораженія Россіи.

Витте былъ тогда въ зенитѣ своей славы финансиста. Девальвація, о которой такъ же, какъ потомъ о конституціи, говорили, что мы „не доросли“ (до монометализма), и что переходъ къ новому финансовому строю погубить насъ, была проведена мастерски, упрочила нашъ общій балансъ и разнесла Виттевскую репутацію по всему биржевому и торговому міру. Но въ дѣлахъ подпольнаго характера этотъ человѣкъ былъ слабѣе своихъ товарищей и самъ, постоянно интригуя то противъ одного, то противъ другого, попался въ сѣти, разставленныя ему В. Плеве, и потерпѣлъ временное крушеніе.

На эти придворныя тренія, на закулисные ходы и на подставленіе другъ другу ногъ всегда уходитъ много времени. Широкія способности Витте, имѣвшаго къ тому же въ своей женѣ, слывшей просто „Матильдой“, умнаго совѣтника, позволяли ему до поры, до времени гнать успѣшно обоихъ зайцевъ: и финансы и Дворъ и другіе были менѣе одарены и, сосредоточивъ вниманіе

а своихъ личныхъ дѣлахъ, все болѣе запускали свои вѣдомства, гдѣ постепенно водворялся тотъ хаосъ, въ которомъ застала ихъ первая Государственная Дума.

Ермоловъ*), министръ земледѣлія, прозванный „навознымъ жукомъ", какъ за смѣшную и мрачную наружность свою, такъ и за изобрѣтеніе телѣги для навоза; гр. Муравьевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ и развратникъ, отравившійся вслѣдствіе царской немилости; Т. Филипповъ, государственный контролеръ и информанъ, собиравшій и сплетни, и старинныя русскія пѣсни: Боголѣповъ, гроза студентовъ во время своей профессуры въ московскомъ университетѣ и всей русской школы во время министерства (смертельно раненъ Карповичемъ 14-го февраля 1901-го года); самъ Плеве, все больше и больше забиравшій силы,—всѣ они были слабѣй желѣзнаго Побѣдоносцева, державшаго ихъ въ рукахъ своимъ значеніемъ при царѣ.

По русскому закону, оберъ-прокуроръ синода является лишь посредникомъ между церковью и государствомъ, не участвуя въ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ синклита іерарховъ, а лишь слѣдя за закономѣрностью ихъ дѣйствій. На дѣлѣ же онъ занимается прямымъ давленіемъ на церковь въ цѣляхъ государства и Побѣдоносцевъ не имѣлъ себѣ равнаго въ этомъ искусствѣ предшественника. Дошло до того, что собраніе митрополитовъ стало въ рукахъ театромъ fantoche, гдѣ среди маріонетокъ были умные, хитрые и своекорыстные монахи, и желавшіе бы выпутаться изъ крѣпкихъ оберъ-прокурорскихъ лапъ, но безсильные это сдѣлать. Обоюдное раздраженіе прорывалось только въ исключительныхъ случаяхъ, но внѣшность должна была соотвѣтствовать высокимъ санамъ участниковъ.

Разъ только не выдержалъ Іоанникій, митропо-

*) А. С. Ермоловъ, бывшій министръ земледѣлія, былъ уволенъ безъ всякой причины и предупрежденія, извѣстенъ какъ сельскій хозяинъ, управленіе собственнымъ имѣніемъ его представляетъ образецъ „небрехи"; тоже, конечно, было и въ министерствѣ.

литъ Кіевскій, переведенный изъ Москвы вслѣдств
неладовъ съ ген-губернаторомъ, вел. кн. Сергѣем
Услыхавъ, что рѣшеніе синода не можетъ быть до
жено царю, такъ какъ послѣдній уже высказалъ во
противоположнаго характера, и что предложенный П
бѣдоносцевымъ вопросъ былъ имъ заранѣе рѣшен
Іоанникій сказалъ:

„Вы бы, Ваше Превосходительство, выписыва
вмѣсто насъ наши печати, да и ставили ихъ подъ с
ими рѣшеніями."

Мышинное лицо оберъ-прокурора позеленѣло,
онъ смолчалъ.

„Вообще,—продолжалъ митрополитъ, — позвол
узнать, по какому праву Ваше Превосходительст
присутствуетъ въ этомъ собраніи".?

„Какъ, по какому праву-вскипѣлъ Побѣдоносце
—да по закону!".

Іоанникій потребовалъ книгу закона и гром
прочелъ статью, запрещавшую присутствіе въ сино
скомъ засѣданіи прокурора. Тогда взбѣсившійся с
рикъ не нашелъ ничего иного сказать, какъ:

„А я все таки останусь въ засѣданіи".

Но тутъ то и готовилась ловушка всесильно
прокурору.

„Отцы,—обратился митрополитъ къ остальны
іерархамъ,—непристойно намъ ссориться съ его П
восходительствомъ, если имъ не угодно оставить
сѣданіе, то мы должны покинуть его".

Послѣ чего перекрестившись на образа, влады
смиренно вышли въ другія залы синода, оставивъ П
бѣдоносцева одного и „въ дуракахъ".

Впрочемъ, злобный инквизиторъ переноси
эти щелчки съ тѣмъ стоицизмомъ, который пото
вознаграждаетъ себя местью, хотя бы мелкой и гн
ной. Онъ продолжалъ безконтрольно распоряжат
дѣлами церкви, выдвигалъ, когда нужно было по с
расчетамъ, на высшіе духовные посты развратнико
вродѣ Николая алеутскаго, грабителей, вродѣ Паллад

расхитившаго драгоцѣнности грузинскихъ церквей, чревоугодниковъ, вродѣ Исидора, петербургскаго митрополита, эротомановъ, какъ московскій Леонтій. Эти господа, за личиной монаховъ скрывавшіе свои истинныя наклонности, охотно давали свои подписи подъ любыми рѣшеніями человѣка, обезпечившаго имъ за то веселое и безпечальное житіе, стотысячные оклады, блескъ власти, преклоненіе наивныхъ душъ. На ряду съ этими крупными акулами, одновременно развращавшими и грабившими народъ, мелкіе воры, вродѣ описанныхъ выше Фонъ-Валя, Клейгельса, Гессе и другихъ, казались мелочью, питавшеюся крохами съ чужого стола. Въ концѣ концовъ, пароходъ, украденный Клейгельсомъ, доставилъ ему больше непріятностей, чѣмъ удовольствія. Фонъ Валь въ Вильнѣ едва не погибъ отъ пули выведеннаго изъ себя поркой еврея Лекерта, Гесссе на всѣхъ земляхъ, скупленныхъ за счетъ царской протекціи, не заработалъ столько, сколько любой митрополитъ получалъ за наружно законныя дѣйствія свои.

Глава XII.

Коронація— Устарѣлость церемоніи. — Неурядица. — Борьба вліяній.—Полиціймейстеры Власовскій и кн. Волконскій.—Московскій городской голова Алексѣевъ.—Ходынская катастрофа. —Впечатлѣніе въ народѣ и обществѣ.—Новыя безтактности, рескриптъ Сергѣю, продолженіе празднествъ.—Князь „Ходынскій“.—Муравьевъ и Посниковъ созерцаютъ гекатомбу самодержавія.—Посольства развозятъ повсюду вѣсть о начинающемся упадкѣ русскаго бюрократизма.

Плохіе чиновники и плохіе друзья не могли, понятно, измѣнить къ лучшему тѣ стороны царскаго быта, которыя частію устарѣли, частію были настолько сложны въ условіяхъ современности, что требовали особой распорядительности, на которую никто изъ чиновъ Двора не былъ способенъ.

Населеніе Москвы, которая утѣшалась за перенесеніе центра управленія въ Петербургъ названіемъ

„Первопрестольной, перевалило ко времени коронаціи за милліонъ. Возлѣ нея разросся огромный фабричный районъ, притягивавшій къ себѣ на цѣлый почти годъ едва ли не половину взрослаго населенія московской и окружающихъ ее губерній. Всю эту толпу простонародья нужно было ожидать на время коронаціонныхъ торжествъ. Между тѣмъ, прежняя патріархальность давно исчезла подъ напоромъ новаго вѣка и усиливавшейся пролетаризаціи рабочихъ, за которыми нужно было очень присматривать, чтобы не вышло изъ праздника непріятности: тѣмъ болѣе, что приходилось блеснуть „порядками" передъ делегаціями всѣхъ державъ міра.

Московскія власти готовились къ коронаціи безъ малаго два года, но такъ какъ борьба вліяній не ослабѣвала ни передъ какими событіями, то и въ этомъ исключительномъ положеніи первое мѣсто занимали не заботы объ организаціи грандіознаго празднества, а заботы о палкахъ, которыя можно было бы бросать въ чужія колеса. На этомъ именно поприщѣ состязались и московскій генералъ-губернаторъ, в. к. Сергѣй, съ министромъ императорскаго Двора, гр. Воронцовымъ-Дашковымъ. И, подобно тому, какъ уличная свалка привлекаетъ къ себѣ зѣвакъ, которые бросаютъ для зрѣлища свои дѣла, такъ и здѣсь всѣ заинтересованныя вѣдомства больше ждали исхода борьбы царскаго дяди и министра, нежели самой коронаціи.

Московской полиціи приходилось отъ этихъ неурядицъ труднѣе всѣхъ. Никто твердо не зналъ къ кому и за какими распоряженіями обращаться,-дѣло вершилось, такъ сказать, безъ хозяина, а потому и плохо. Ко времени съѣзда иностранныхъ гостей ничего не было закончено, словно это была провинціальная выставка, а не коронація могущественнаго царя.

Въ то время полиціймейстеромъ Москвы былъ нѣкій Власовскій, чрезвычайно взбалмошный, но энергичный, человѣкъ. Слава о немъ шла нехорошая, такъ какъ, вмѣстѣ съ другимъ полицейскимъ офицеромъ, богатымъ и знатнымъ княземъ Волконскимъ они поль-

зовались своею властью для устройства столь громкихъ кутежей съ женщинами и другихъ скандаловъ, что ими полна была вся Москва. За одно съ этой компаніей былъ московскій городской голова милліонеръ Алексѣевъ, впослѣдствіи и убитый братомъ одной изъ жертвъ этого тріумвирата. Въ чаду собственныхъ веселыхъ похожденій полицейскія власти какъ то позабыли, что самымъ отвѣтственнымъ пунктомъ является народное гулянье на обширномъ Ходынскомъ полѣ.

Не соображаясь съ топографіей его, они позволили разставить антрепренеру Двора *) палатки со сластями и обычными коронаціонными кружками въ-такомъ мѣстѣ, что между ними и народомъ очутился рядъ глубокихъ рвовъ, какихъ то забытыхъ колодцевъ и тому подобныхъ сюрпризовъ, въ инженерномъ искусствѣ извѣстныхъ подъ именемъ „волчьихъ ямъ". Но для народа,— не того народа, который допускается тайной охраной къ созерцанію процессій въ качествѣ суррогата толпы, а народа настоящаго, рабочаго и деревенскаго, Ходынское гулянье было единственной приманкой въ коронаціи царя. Поэтому поле еще ночью было занято полумиліонной толпой, къ утру сгрудившейся въ такую компактную массу, что пробиться сквозь нее не могло бы и пушечное ядро. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тихую погоду, какая тогда на бѣду и случилась, углекислота, выдыхаемая такой массой людей и висящая надъ ея головами, сама по себѣ должна была повести къ повальной асфиксіи; кромѣ того и нетерпѣніе получить подарки дѣйствовало возбуждающе.

И вотъ наступилъ моментъ когда раздались крики удушаемыхъ женщинъ и дѣтей, которые заставили толпу попробовать двинуться; кое гдѣ приняли это движеніе за сигналъ къ атакѣ палатокъ съ лакомствами, и вся громада, какъ дикое обезумѣвшее стадо, па-

*) Этимъ антрепренеромъ былъ ст.-секр. П. А. Рихтеръ, управляющій дѣлами, другъ Побѣдоносцева; да помогъ ему архитекторъ Николай славной перестройкой Большого Петербургскаго театра въ консерваторію на чемъ нажилъ огромныя и нечестныя суммы.

рахнулась прямо на ямы. Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ картина поля была такова: поваленныя палатки и качели и семь восемь тысячъ, по офиціальной версіи 2-3 тысячи, поверженныхъ на землю людей, частію труповъ, съ синими лицами, частію живыхъ еще, но молящихъ о смерти, у которыхъ грудныя клѣтки были расплющены и кости торчали сквозь праздничныя рубашки. Все остальное съ воемъ, плачемъ и проклятіями мчалось куда глаза глядятъ, истерически хохоча, крестясь о спасеніи и забывая объ оставленныхъ на полѣ родныхъ.

Ужасная вѣсть еще утромъ стала извѣстна въ Москвѣ, а къ вечеру во всей Россіи. Впечатлѣніе было потрясающее, особенно въ простонародьѣ, разнесшемъ преувеличенные слухи далеко, по самымъ глухимъ деревнямъ. Всѣ были увѣрены, что царь отмѣнитъ остававшіеся балы и праздники и, главное, что очевидный виновникъ катастрофы, в. к. Сергѣй, который отстоялъ таки свою монополію на увеселеніе племянника, понесетъ заслуженную кару.

Въ минуту такихъ стихійныхъ бѣдствій цари могутъ много выиграть, показывая народу щедрость, участіе и распорядительность. Но Николай сдѣлалъ только новый рядъ промаховъ. Онъ, во первыхъ, поѣхалъ на ходынское поле не тогда, когда оно являло пышную гекатомбу его самодержавія, а въ этотъ же день, но послѣ, когда пожарныя фуры уже развезли мертвецовъ, и ямы были засыпаны землей поверхъ мертвыхъ и живыхъ, внизу копошившихся людей. Во вторыхъ царь въ тотъ же вечеръ былъ на балу у одного изъ пословъ, вмѣсто того, чтобы бросить все и уѣхать съ глазъ долой отъ негодовавшей столицы. Наконецъ онъ далъ в. к. Сергѣю рескриптъ, въ которомъ обычныя казенныя выраженія царской милости звучали чисто мефистофельской насмѣшкой надъ собственнымъ народомъ. Даже подставная толпа встрѣчала его гробовымъ молчаніемъ. Сергѣя прозвали „княземъ Ходынскимъ“ Министръ юстиціи Муравьевъ, и прокуроръ Московской судебной

